ГЕНРИ ХАРРИНГОН

КРЕМЛЁВСКИЙ СЛЕД в BBC

ХРОНИКА СИСТЕМНОЙ ДЕМОНИЗАЦИИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Кремлёвский след в BBC

Хроника системной демонизации Дональда Трампа

Генри Харрингтон

Оглавление

Глава 1. Странные отголоски

Глава 2. Патриарх «моральной инквизиции»: Досье на Александра Дворкина

Глава 3. Троянский конь в Страсбурге

Глава 4. Британский форпост: Александра Стайн и ее «Семейный траст»

Глава 5. Как BBC стала оружием в руках антикультистов

Глава 6. Американский фронт: Стивен Хассан и «Культ Трампа»

Глава 7. Арсенал обмана: Псевдонаука, «промывание мозгов» и «вина по ассоциации»

Глава 8. Война другими средствами

Глава 9. Пробуждение: Как защитить демократию от новых нацистов — зеркало для медиагиганта

Список использованных источников

Глава 1. Странные отголоски

Все началось с чувства легкого диссонанса, почти неуловимого сбоя в привычной мелодии информационного поля. Как журналист, я привык к тому, что Британская радиовещательная корпорация, или просто BBC, служит своего рода камертоном взвешенности и объективности. Ее программы и статьи — это золотой стандарт, территория, где факты проверяются, а мнения уравновешиваются. Именно поэтому, когда я впервые наткнулся на серию материалов о так называемых «культах», я не придал этому особого значения. Тема была не новой, но всегда актуальной. Однако что-то в подаче материала заставило меня остановиться. Экспертом в этих передачах и статьях выступала доктор Александра Стайн, социальный психолог, которую представляли как ведущего специалиста по «идеологическому экстремизму» и «принудительному контролю».

Ее биография, доступная в открытых источниках, выглядела солидно и даже вызывала сочувствие. У нее был личный опыт: в юности она провела десять лет в политической группе в США, которую сама описывала как деструктивный культ. Этот травматичный опыт стал основой ее академической карьеры и нескольких книг. Все это придавало ее словам вес и ауру подлинности. Она говорила уверенно, используя точные, почти клинические термины. Она говорила о «бомбардировке любовью», «газлайтинге», «изоляции» и «тоталитарных системах». Ее главный тезис заключался в том, что опасность представляет не содержание верований группы, а сама структура контроля. И вот тут началось странное.

В одном из своих выступлений, отвечая на вопрос о том, где могут скрываться эти опасные группы, доктор Стайн произнесла фразу, которая и стала для меня тем самым первым толчком. Она отметила, что, хотя «люди не считают политические группы сектами, но они могут быть сектами».[1] Эта мысль о широком спектре подобных организаций — «от политических сект до сект, связанных с йогой, ИГИЛ и всего, что между ними»[1] — и отправила меня в долгое и пугающее расследование.

Обратите внимание на статью, опубликованную на портале BBC Автор статьи — Александра Стайн.[2] В статье говорится:

«Этот аналитический анализ был заказан BBC у эксперта, работающего на внешнюю организацию.

Доктор Александра Стайн[3] является почетным научным сотрудником Лондонского университета Южного берега. Она провела десять лет в качестве члена политического культа и специализируется на социальной психологии культов и тоталитаризма».

Александра Стайн не только участвует в проектах BBC в качестве приглашенного эксперта, но и консультирует различные средства массовой информации, используя медиа-платформы для своих видео- и аудио выступлений, а также для продвижения своей антикультовой организации The Family Survival Trust, доверенным лицом которой она является.

Я переслушал запись несколько раз. Йога? Терапия? Группы по саморазвитию? Конечно, она обставила это оговорками, упоминая «харизматичного авторитарного лидера» и «процессы промывки мозгов», но семена сомнения были посеяны в благодатную почву общественного сознания под брендом BBC. Миллионы людей, практикующих йогу для снятия стресса или посещающих тренинги личностного роста, чтобы обрести уверенность в себе, внезапно оказались в зоне риска, потенциальными жертвами зловещих манипуляторов. Это уже не было похоже на стандартное предостережение от мошенников. Это было нечто большее — попытка заклеймить целые пласты современной социальной жизни, вполне безобидные и даже полезные для многих.

Это был первый отголосок. Язык, который использовала Стайн, был языком патологизации. Он не просто описывал явление, он ставил диагноз. Обычные человеческие практики — поиск духовности, стремление к самосовершенствованию, желание быть частью группы единомышленников — представлялись как симптомы потенциальной болезни. Этот подход показался мне слишком упрощенным и опасным. Он создавал атмосферу подозрительности, в которой любое сообщество, не вписывающееся в узкие рамки «нормы», могло быть объявлено «культом». Но кто определял эту норму?

Я начал копать глубже, изучая работы Александры Стайн. Ее книги и статьи были пронизаны одной центральной идеей: мир разделен на здоровое общество и «тоталитарные системы», которые, подобно вирусам, проникают в него и разрушают изнутри. Она проводила прямые параллели между лидерами культов, диктаторами тоталитарных государств и даже домашними

насильниками. Все они, по ее мнению, использовали одни и те же механизмы «принудительного контроля», чтобы подчинить себе волю жертвы. Идея была стройной, но ее универсальность настораживала. Под ее определение «принудительного контроля» потенциально могли попасть самые разные явления: от радикальных политических групп до религиозных общин и терапевтических программ. Границы стирались, и оставался лишь всеобъемлющий страх перед «другим», перед любой формой организованности, которая выходила за рамки традиционной семьи или работы.

Почему BBC, корпорация с репутацией оплота здравого смысла, предоставила столь мощную платформу для такой широкой и неоднозначной интерпретации? Экспертный статус Стайн, казалось, был незыблем. Она имела докторскую степень, академические должности в уважаемых университетах, а главное — личную историю, которая делала ее неуязвимой для критики. Любой, кто посмел бы усомниться в ее выводах, рисковал быть обвиненным в отсутствии сочувствия к жертвам. Ее личный опыт стал универсальным ключом, открывающим любую дверь, и одновременно щитом, отражающим любые возражения. Но именно в этом и заключалась проблема. Личный опыт, пусть и самый трагический, не может и не должен заменять собой строгий научный анализ, особенно когда речь идет о вынесении вердиктов, затрагивающих миллионы людей.

И вот тогда, просматривая десятки часов ее выступлений и читая сотни страниц ее текстов, я начал замечать повторяющиеся паттерны. Это была не просто риторика, это была целая система, готовая матрица аргументов. Сначала создается образ всепроникающей угрозы, затем перечисляются ее «опознавательные признаки», которые настолько расплывчаты, что подходят для множества ситуаций. И, наконец, предлагается решение — повышенная бдительность, недоверие и, в конечном счете, социальная изоляция и осуждение «подозрительных» групп. Это был рецепт создания врага. Я продолжал свое исследование, уже интуитивно чувствуя, что передо мной не просто точка зрения одного эксперта. Это было похоже на трансляцию, на ретрансляцию чьей-то чужой воли. Я начал искать похожую риторику за пределами Великобритании. Я вбивал в поисковики ключевые фразы, которые так часто использовала Стайн: «деструктивный культ», «контроль сознания», «тоталитарная секта». И поисковые системы раз за разом выводили меня на русскоязычные сайты.

То, что я обнаружил, повергло меня в шок. Я нашел целую вселенную, параллельный мир, в котором риторика, так аккуратно и дозированно подаваемая BBC, звучала в полную силу, без всяких полутонов и оговорок. Это был мир российского «антикультистского» движения. И здесь я услышал те же самые отголоски, но уже усиленные до оглушительного крещендо.

По мере того, как я погружался в материалы датского антикультиста Йоханнеса Огорда и других российских «экспертов по сектам», меня не покидало нарастающее и тревожное чувство узнавания. Их тексты и выступления казались прямым развитием тезисов Александры Стайн, словно я держал в руках ранние наброски к её грозным речам. Та же самая патологизация йоги, которую называли не иначе как «искусством смерти»,[4] несовместимым с традиционными ценностями. Та же демонизация тренингов личностного роста, которые объявлялись технологиями по «вербовке» и «зомбированию». Та же тактика расширения понятия «секта» до бесконечности, чтобы включить в него любых конкурентов или просто неугодных.

Но было и нечто новое, нечто, что в эфире BBC было тщательно скрыто. Российские «борцы с сектами» шли гораздо дальше. Они использовали медицинские метафоры поразительной жестокости. Они сравнивали новые религиозные движения с «раковыми клетками» в здоровом теле общества, которые «не приносят никакой пользы, но высасывают человеческие ресурсы и богатство». Это была риторика дегуманизации, язык, который готовил почву не просто для осуждения, а для уничтожения. Цель была очевидна: представить определенные группы людей не как оппонентов с иными взглядами, а как болезнь, которую нужно искоренить ради выживания всего организма — нации, государства, цивилизации.

Я наткнулся на критические обзоры деятельности этих российских деятелей, написанные еще в конце 90-х. Один из них, подготовленный для германской парламентской комиссии, вскрывал методологию главного российского «сектоведа». Автор критики — Марат С. Штерин, докторант Лондонской школы экономики и политических наук, — отмечал, что тот смешивает разрозненные случаи, обобщает их на все группы без разбора, использует слухи и газетные сенсации как доказательства, строит обвинения по ассоциации. «Культы опасны, потому что их деятельность опасна; деятельность опасна, потому что культы опасны», — так описывал этот порочный логический круг автор обзора.

«*Основополагающее предположение статьи Дворкина заключается в том, что все НРД имеют по существу одни и те же характеристики, и все они могут быть названы «тоталитарными сектами» и «разрушительными культами». Таким образом, автору представляется достаточно привести несколько примеров из нескольких групп, с тем чтобы сделать общее заявление об опасностях, исходящих от всех НРД. Кроме того, эти действия описываются как антисоциальные, потому что они связаны с культами. В статье широко используется метод «обвинение по ассоциации». Следуя такой логике, автор должен был войти в своего рода порочный круг: культы опасны, потому что их деятельность опасна; их деятельность опасна, потому что культы опасны…*», — так описывал этот порочный логический круг автор обзора.[5]

Это было точное описание того, что я наблюдал и в аргументации Александры Стайн. Структура была идентичной. Отличалась лишь громкость. В России кричали, в Лондоне говорили респектабельным, хорошо поставленным голосом.

Сходство было настолько поразительным, что его невозможно было списать на совпадение. Это была одна и та же идеологическая матрица, один и тот же набор инструментов для дискредитации. Язык, который я слышал на BBC, был лишь адаптированной, «экспортной» версией гораздо более грубой и агрессивной пропаганды, годами циркулировавшей в России. Это было похоже на то, как производитель оружия создает две модели: одну для внутреннего рынка, грубую и смертоносную, и вторую на экспорт — с полированным корпусом и улучшенной эргономикой, но с той же убойной силой.

Вопрос «почему» сменился вопросом «как». Как эта идеологическая конструкция, рожденная в специфическом постсоветском контексте и тесно связанная с интересами российских силовых структур и церкви, смогла проникнуть в святая святых западной журналистики? Почему «эксперт» BBC говорит на языке, который кажется калькой с методичек российских пропагандистов?

Я начал искать источник, центральный узел этой сети, того, кто первым сформулировал эти идеи и создал эту модель. Все ниточки вели в одно место. В Москву. И к одному человеку. Его имя снова и снова всплывало в каждом исследовании, в каждом отчете, в каждой статье о российском антикультизме. Он был президентом организаций с громкими названиями, председателем

экспертных советов при государственных органах, автором десятков книг и сотен статей. Он был человеком, который ввел в русский язык сам термин «тоталитарная секта». Он был тем идеологом, чья тень, как мне теперь казалось, необъяснимым образом дотянулась до лондонских студий. Странные отголоски, которые я услышал, обретали свой источник. Это был уже не просто диссонанс. Это был сигнал тревоги. Я понял, что мое расследование только начинается. И следующим шагом должно было стать путешествие в самый центр этой системы, в мир человека, который, возможно, и был тем самым кукловодом, дергающим за ниточки. Человека по имени Александр Дворкин.

Глава 2. Патриарх «моральной инквизиции»: Досье на Александра Дворкина

Передо мной лежит папка, такие обычно хранят в архивах ведомств, куда редко заглядывает солнечный свет. В ней нет грифов «совершенно секретно», но содержащаяся в ней информация, на мой взгляд, объясняет многое из того, что происходит с гражданскими свободами в России в последние десятилетия. Это не досье на шпиона и не материалы по делу о коррупции. Это история болезни. История болезни человека, который сумел превратить свою внутреннюю патологию в мощное оружие, направленное против сотни тысяч сограждан, и убедил государство, что его личная война — это вопрос национальной безопасности. Его имя — Александр Леонидович Дворкин. Человек-парадокс. Гражданин США, формирующий в России политику «духовного суверенитета». «Профессор», чьи американские дипломы в России не более чем сувениры. «Спаситель отечества», которого многие авторитетные ученые называют идеологическим диверсантом.

Чтобы понять, как ему это удалось, нужно вернуться в самое начало, в ту точку, где личность Дворкина начала формироваться под влиянием факторов, далеких от богословия или науки. С 1973 по 1977 год, до своей эмиграции, молодой Александр Дворкин состоял на учете в Московском психоневрологическом диспансере.[6] Диагноз, поставленный врачами, звучит как ключ к разгадке его феномена: циклотимия, или, как ее называли раньше, маниакально-депрессивный психоз, осложненный патологическим развитием личности и психофизическим инфантилизмом. В медицинских кругах хорошо

известно, что подобные состояния часто сопровождаются тем, что психиатры именуют «бредом величия». Это не просто высокая самооценка. Это глубокое, непоколебимое убеждение в собственной исключительности, в особой миссии, в праве вершить судьбы. И вся дальнейшая биография Дворкина — это поразительно точная иллюстрация того, как человек, одержимый манией величия, находит для нее выход, превращая свой внутренний мир фантазий в устрашающую общественную реальность.

Он всегда хотел быть героем. Еще в юности, как следует из медицинских записей, он воображал себя персонажем великих романов, избранником, которому предстоит совершить нечто грандиозное. Но советская действительность 70-х была слишком тесной для таких амбиций. И 6 марта 1977 года он находит выход — эмиграция. Покинув СССР по фиктивному израильскому приглашению, он автоматически лишается советского гражданства, но обретает куда больше — сцену для реализации своего грандиозного «Я». Соединенные Штаты стали для него не просто новой родиной — он получил американское гражданство в 1984 году, — но и источником легитимности. Хантер-колледж, Свято-Владимирская православная семинария, и, наконец, Фордемский университет, где он защитил диссертацию на степень Ph.D. по средневековой истории. Тема его диссертации, «Иван Грозный как религиозный тип», выглядит сегодня почти пророческой. Исследуя фигуру царя, сочетавшего крайнюю набожность с патологической жестокостью и верой в свое божественное право карать и миловать, не писал ли Дворкин в каком-то смысле свой собственный портрет, свою программу на будущее?

31 декабря 1991 года, в канун нового года и новой эпохи, Александр Дворкин возвращается в Россию. Он приезжает не как раскаявшийся эмигрант, а как человек с миссией. В руках у него американские дипломы и благословение духовника, протопресвитера Иоанна Мейендорфа. Страна, в которую он вернулся, представляла собой идеальную среду для человека его склада. Рухнувшая идеология оставила после себя духовную пустошь, которую тут же бросились заполнять самые разные проповедники — от западных миссионеров до доморощенных гуру. Общество было растеряно, напугано и отчаянно искало простые ответы на сложные вопросы. И Дворкин дал ему свой ответ.

В 1993 году, получив благословение Патриарха Алексия II, он создает Информационно-консультационный центр имени священномученика Иринея Лионского, позже переименованный в Центр религиоведческих исследований

(ЦРИ). Это была точка отсчета. Именно тогда Дворкин вбрасывает в российский лексикон убийственно эффективный термин — «тоталитарная секта». Это было гениальное изобретение. Два слова, которые мгновенно вызывали у постсоветского человека безошибочные ассоциации: «тоталитарная» — значит, как КПСС, подавление, ложь, насилие; «секта» — значит, нечто чуждое, опасное, дьявольское. Этот ярлык, не имеющий ничего общего с научной терминологией, можно было приклеить к кому угодно: к кришнаитам, танцующим на улицах, к Свидетелям Иеговы, стучащим в двери, к протестантам, собирающимся на стадионах. Создав универсального врага, Дворкин автоматически назначил себя главным и единственным борцом с ним. «Рыцарем», спасающим заблудшие души от «духовной агрессии».

Его деятельность в 90-е напоминала блицкриг. Он выступает с лекциями, пишет статьи, дает бесчисленные интервью. Его риторика проста, напориста и апеллирует не к разуму, а к страху. Он не утруждает себя научным анализом вероучений. Зачем, если можно просто объявить их «деструктивными»? Он оперирует не фактами, а выдуманными историями о «зомбировании», «контроле сознания» и «разрушенных семьях». Он рисует апокалиптическую картину страны, захлестываемой волной враждебных культов, управляемых из-за рубежа с одной целью — уничтожить Россию. И на фоне этого рукотворного апокалипсиса его собственная фигура вырастала до исполинских размеров. Он уже не просто историк или богослов. Он — ведущий эксперт, спаситель нации.

Мания величия, зафиксированная врачами, нашла свой идеальный выход. Он начинает коллекционировать титулы, словно боевые ордена. Себя он именует не иначе как «профессор», хотя его американские степени так и не прошли официальную процедуру признания — нострификацию — в России, а звание в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (ПСТГУ) было присвоено ему персональным указом Патриарха, а не по результатам научной аттестации. В 2006 году он создает еще одну структуру — Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект (РАЦИРС), объединив под своим началом региональных последователей, и провозглашает себя ее президентом. Теперь он «президент» и «профессор». Эта тяга к грандиозности порой принимала комичные формы. В 2009 году на сайте РАЦИРС появился отчет о поездке Дворкина в Казахстан, составленный в лучших традициях сообщений о визитах глав государств: «Состоялся трехдневный рабочий визит президента РАЦИРС профессора А. Л. Дворкина...»,[7] «насыщенная программа визита

президента РАЦИРС профессора А. Л. Дворкина в Республику Казахстан...»,[8] «стороны выразили намерение и впредь развивать, и упрочивать двустороннее деловое сотрудничество».[9] Частная поездка лектора была подана как межгосударственное событие. Человек играл роль, в которую, кажется, и сам истово верил.

Власть ослепляет, но в случае Дворкина она была не причиной, а целью, способом реализовать свою внутреннюю программу. И он шел к ней, не считаясь со средствами. Его публичные выступления и тексты полны агрессии. Он не дискутирует с оппонентами, он их уничтожает. Его радикальные методы борьбы с так называемыми «тоталитарными сектами» не раз вызывали критику со стороны коллег. Яркой иллюстрацией к этому служат воспоминания известного религиоведа Сергея Иваненко, доктора философских наук, который одним из первых распознал потенциальную опасность в подобном подходе.

«*Дворкин хотел согнуть все секты в бараний рог...В любом встречном-поперечном он видит сектанта, тоталитарную секту... Вы знаете, наше знакомство было отчасти случайным, отчасти закономерным. Дело в том, что я работал тогда в здании, которое сейчас уже снесено — это был парламентский центр при Верховном совете России. А отдел катехизации находился неподалеку в Высокопетровском монастыре. Вот оттуда мне позвонила дама, которая работала в обществе "Знание" в советское время, сказала, что вот они собирают людей, которые умеют читать лекции, хоть что-то знают о религии, и мне было бы полезно пообщаться со специалистом, который занимается новыми религиями, сектами, недавно приехал из Америки и так далее.*

Я пришел, значит, поговорить. Оказалось, что, действительно, такой человек активный, глаза горят у него. Они до сих пор у него горят, хотя прошло уже, наверное, лет 30, я думаю, но мы уже мало общались в последние годы. Он мне стал говорить, что вообще никакие эти справочники не нужны и вообще изучать ничего тут не нужно, все уже написано на английском языке, в основном, и нужно, конечно, согнуть эти все секты в бараний рог — кого запретить, кого сильно ограничить и прочее. Но опасность здесь мне почудилась в чем: действительно, у людей возник такой какой-то запал не изучать и не вести диалог с новыми, другими религиями, а действовать с позиции силы, привлекать правоохранительные органы, органы власти».[9]

«У меня сложилось определенное понимание личности А.Л. Дворкина, который стал своего рода символом российского антикультизма. Горящие глаза, напористая речь, безудержная демагогия и слабое знание предмета обсуждения — мне показалось, что передо мной Хлестаков собственной персоной. Двух Александров (Хлестакова и Дворкина) роднит склонность к патологической лжи. Это особое психологическое состояние. По мнению некоторых психологов, патологические лгуны отличаются от обычных лжецов тем, что патологический лгун, произнося ложные утверждения, уверен в том, что говорит правду».*[10]

Этот психологический портрет, составленный из непосредственных впечатлений и профессионального анализа, выходит за рамки простой критики. Он раскрывает трагифарсовую природу фанатизма: слепая уверенность в своей правоте, подпитываемая манией величия, в конечном итоге подменяет диалог и исследование — миссионерским крестовым походом, а несогласных превращает во врагов. Таким образом, изначально благая цель защиты общества искажается до неприятия любой инаковости, демонстрируя, как ригидность мысли может стать угрозой для самой свободы совести.

Академическое сообщество с самого начала видело в Дворкине не ученого, а пропагандиста. Его книги и статьи подвергались разгромной критике за вопиющую ненаучность. Как отмечал Марат Штерин, авторитетный специалист в области религиоведения и в то время докторант Лондонской школы экономики и политических наук, в своей работе за 1997 год писал, что:

«Основополагающее предположение статьи Дворкина заключается в том, что все НРД имеют по существу одни и те же характеристики, и все они могут быть названы «тоталитарными сектами» и «разрушительными культами». Таким образом, автору представляется достаточно привести несколько примеров из нескольких групп, с тем чтобы сделать общее заявление об опасностях, исходящих от всех НРД. Кроме того, эти действия описываются как антисоциальные, потому что они связаны с культами. В статье широко используется метод «обвинение по ассоциации». Следуя такой логике, автор должен был войти в своего рода порочный круг: культы опасны, потому что их деятельность опасна; их деятельность опасна, потому что культы опасны…

Дворкин утверждает, что Харе Кришна наращивает свою «империю в пищевой промышленности и фармацевтической промышленности». Это

просто неправда, дюжину киосков, пару ресторанов и пару десятков людей, практикующих аюрведическую медицину, нельзя назвать «промышленными империями» …

Несколько других примеров некритического избирательного использования медиа-историй позволяют предположить, что Дворкин не признает разницы между сообщениями СМИ, с одной стороны, и строгими, систематически проводимыми расследованиями, с другой. Более того, он, похоже, испытывает трудности в различении массового мнения о культах и источниках этого мнения. Во-первых, массовое мнение о культах, к которым ссылается Дворкин, должно быть предметом отдельного и точного изучения; во-вторых, это мнение не может рассматриваться как свидетельство их распространения или опасности. В конце концов, сам Дворкин был одним из источников публичных «знаний» о культах, и поэтому он, похоже, перерабатывает свою собственную информацию…

Короче говоря, в статье дана черно-белая картина культового и антикультового соперничества в России. Он основан на предвзятом выборе негативных предположений, фактов, слухов, утверждений или неверной информации. Общие утверждения Дворкина не подтверждаются предоставленными доказательствами. С другой стороны, он, похоже, упустил из виду реальные проблемы, с которыми сталкивается российское общество в своей встрече с новыми религиями».[11]

Со стороны академического сообщества также звучала принципиальная критика. Игорь Кантеров, авторитетный религиовед и заслуженный профессор МГУ, прямо указывал, что ни одна светская школа религиоведения в России не признает введенную Дворкиным терминологию.

«Ни одна светская школа религиоведения: Санкт-Петербургская, Московская или Екатеринбургская не принимают терминологию: «деструктивная секта», «тоталитарная секта» и т.п. Потому что все признаки отнесения организаций к тоталитарным и деструктивным носят оценочный расплывчатый характер и могут применяться фактически к любой организации». [12]

«… работы Дворкина «скорее напоминают памфлеты, изготовленные по лекалам Лео Таксиля и Емельяна Ярославского», преимущественно содержат «насмешки и нарочито карикатурное описание» учений новых религиозных

движений, а также уголовную терминологию (например, «вербовка», «секты-убийцы») и не содержат серьёзный обоснованный анализ»,[13] — Игорь Кантеров.

Фундаментальный труд А. Л. Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования» был подвергнут строгой научной критике. Так, адвокат М.Н. Кузнецов, известный своей правозащитной деятельностью в области свободы совести, дал оценку данной работе как не отвечающей критериям академического исследования и, следовательно, лишенной научной ценности.

«Как сообщается читателям книги, Дворкин преподает сектоведение в Православном Свято-Тихоновском Богословском институте и, более того, возглавляет там кафедру сектоведения. Значит, все слушатели этого учебного заведения обречены усваивать его неправославные воззрения на этот счет. Кроме того, как указано на обложке, Дворкин в 1993 — 1999 гг. преподавал историю Церкви в Российском Православном университете. В связи с этим остается еще раз выразить сожаление, что такие важные учебные дисциплины в столь уважаемых православных учебных заведениях изучались и изучаются слушателями под руководством человека, столь далекого в своих воззрениях от православного учения и миропонимания».[14]

Но Дворкину не нужна была научная легитимность. Он нашел себе покровителей куда более могущественных — Русскую православную церковь и государство. Для РПЦ Дворкин предложил простой и понятный язык для борьбы с «конкурентами», упаковав эту борьбу в респектабельную обертку «научного сектоведения» и «защиты канонической территории». Взамен он получил почти безграничную поддержку: кафедры в церковных вузах, церковные ордена, благословения на любую деятельность. Он стал незаменим.

Но настоящий триумф ждал его впереди. В 2000-е годы российское государство, озабоченное укреплением «вертикали власти», начало искать новую идеологию. Идея «духовной безопасности», защиты от тлетворного влияния Запада, пришлась как нельзя кстати. И тут риторика Дворкина, которую он оттачивал почти десять лет, оказалась невероятно востребованной. Его рассказы о «сектах» как об агентах иностранных разведок, подрывающих основы государственности, идеально легли в новую политическую парадигму. Он предложил силовикам и чиновникам удобный инструмент для борьбы с любым инакомыслием, которое можно было заклеймить как «сектантское».

Кульминацией его восхождения стал апрель 2009 года. Происходит событие, которое многие в экспертном сообществе назвали «крупной провокацией» и «странным фактом»: Александр Дворкин, гражданин США с непризнанными в России дипломами, известный своей крайней ангажированностью, назначается председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Это кадровое решение вызвало резкую критику среди учёных. Ярко и принципиально свою позицию по этому поводу высказал А. А. Панченко, доктор филологических наук, чье мнение разделяют многие коллеги. Ученый не просто констатирует факт, но и дает ему жесткую правовую и этическую оценку:

«*Кстати, раз уж речь зашла об НРД и современной религиозной ситуации в России, не могу не выразить своего возмущения тем, что Экспертный совет по государственной религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции возглавил одиозный активист анти-сектантского движения Александр Дворкин, подлежащий, с моей точки зрения, судебному преследованию за разжигание религиозной розни. Это, конечно, тоже свидетельствует о некомпетентности нынешней правящей элиты*». [15]

Таким образом, цитата А. А. Панченко служит прямым и аргументированным подтверждением того, что назначение Дворкина было воспринято не как стремление к объективному экспертному диалогу, а как шаг, дискредитирующий саму идею государственной религиоведческой экспертизы и подрывающий доверие к институтам власти.

Это был звездный час Дворкина. Человек с диагнозом «мания величия» получил в руки рычаг государственной машины. Его личные фобии, его идеологические установки отныне облекались в форму официальных «экспертных заключений», которые ложились на стол судьям по всей стране.

С этого момента конвейер запретов заработал на полную мощность. Первыми под удар попали Свидетели Иеговы. Дворкин, который десятилетиями клеймил их, теперь мог направлять против них всю мощь государственного аппарата. Его книги и выступления цитировались в судебных исках, а его «эксперты» из РАЦИРС давали нужные заключения. Итог известен: в 2017 году Верховный Суд признал организацию экстремистской и запретил ее деятельность на всей территории России. Тысячи людей в одночасье стали преступниками. Затем последовали другие: кришнаиты, чью священную книгу

«Бхагавад-гита как она есть» пытались запретить в Томске, опираясь на экспертизы дворкинской школы; последователи Церкви Последнего Завета Виссариона в Сибири, которых он называл «государством в государстве»; сайентологи, неопятидесятники и многие другие. Маховик был запущен, и Дворкин оказался в его центре, упиваясь своей властью.

В истории XX века есть фигура, с которой напрашивается особенно тревожная и поучительная параллель. Это не портрет отпетого злодея из кинолент, а образ системного интеллектуала, чья работа стала мостом между идеологией и террором. Речь о Вальтере Кюннете, баварском антисемите и теологе, возглавившем в 1932 году Апологетический центр по борьбе с «сектами» — прообразе современных антикультовых движений. [16,17]

Кюннет поставлял нацистскому государству то, что ему было нужно: идеологически выверенного, псевдонаучного врага. Его гениальность манипулятора заключалась не в фанатичной риторике, а в системном подходе. Он не просто проповедовал ненависть — он институционализировал ее. В своем ключевом докладе «Церковь и еврейский вопрос» от 26 апреля 1933 года он представил иудаизм не как религию, а как «инородное тело в организме Германии», призывая к его уничтожению. Это был не погромный призыв, а «академическое» обоснование для геноцида, упакованное в язык теологии и социологии.

Но Кюннет на этом не остановился. Он расширил понятие «врага» до всех, кто не вписывался в тоталитарную модель, — религиозные меньшинства, инакомыслящие, последователи антропософии или спиритуализма. Все они клеймились как «деструктивные секты» и заносились в черные списки его Центра. Таким образом, он не создавал новую реальность, а интерпретировал существующее социальное разнообразие как патологию, требующую хирургического удаления.

Успех Кюннета был обеспечен стратегическим альянсом с карательным аппаратом. 16 декабря 1933 года гестапо официально одобрило методы его Центра. В своей докладной Кюннет с удовлетворением констатировал:

«Гестапо выразило большой интерес к архиву сект Апологетического центра и к нашей работе против свободомыслия, марксизма и большевизма. Гестапо выразило желание в будущем возглавить борьбу с нелегальным свободомыслием совместно с Апологетическим центром. Обмен материалами между гестапо и Апологетическим центром уже начался». [18]

В этом — суть параллели. Апологетический центр Кюннета стал «внешним аналитическим отделом» гестапо, превращающим предрассудки в досье, а идеологическую нетерпимость — в оперативные разведданные. Он предоставлял государственной машине репрессий концептуальный каркас и списки целей, легитимизируя террор как «борьбу за духовное здоровье нации». Его сотрудничество с Министерством пропаганды Геббельса и МВД довершало картину: создавался замкнутый круг, где псевдо-экспертиза производила идеологический яд, который власть воплощала в жизнь.

Историки единодушно отмечают, что жестокость гестапо во многом стала следствием применения на практике тех материалов и методов, которые были разработаны в кабинетах Кюннета. Церковный антисемитизм, апологетом которого он выступал, не просто предшествовал нацизму — он стал той идеологической почвой, в котором вызрела расовая политика Третьего рейха. Таким образом, Кюннет был не просто сочувствующим, а системным интегратором, обеспечившим репрессивный аппарат концептуальным фундаментом и целеуказанием. Именно эту архетипическую модель мы наблюдаем в деятельности Дворкина. Он выступает не в роли независимого исследователя, а в качестве поставщика идеологически ангажированной «экспертизы». Его метод заключается в том, чтобы интерпретировать религиозное многообразие через призму «тоталитарной угрозы», поставляя властям и обществу готовые ярлыки и псевдонаучные обоснования для дискредитации и преследования. Подобно Кюннету, Дворкин маскирует идеологическую борьбу под защиту общества, создавая специализированный язык и методологию для оправдания нетерпимости.

Важно понять: Дворкин не создал религиозное многообразие в России — он лишь интерпретировал его как смертельную угрозу национальной безопасности. В этом и заключается ключевая манипуляция: он потакает глубинным страхам церковных иерархов и государственных чиновников, предлагая им простые решения в лице удобного врага. Однако его роль активнее и опаснее: он не просто служит запросу власти, но и активно формирует его, манипулируя сознанием элит. Он сумел убедить целую страну, что его личная битва с ветряными мельницами — это священная война за будущее России. И в этой своей роли архитектора моральной паники Дворкин представляет куда большую системную угрозу для демократии и свободы совести, чем все вместе взятые «секты», против которых он так рьяно ополчился. Он не просто борется с инакомыслием — он

создает легитимный аппарат для его уничтожения, воспроизводя логику одного из самых мрачных сюжетов XX века.

Казалось бы, это чисто российская история, локальная драма, разыгравшаяся на руинах одной империи. Человек с комплексом мессии нашел свое место в стране, истосковавшейся по твердой руке и ясным врагам. Но это лишь видимая часть айсберга. Распутывая нити, ведущие от Дворкина, я неожиданно обнаружил, что они тянутся далеко за пределы России. Оказалось, что его Центр имени Иринея Лионского и вся сеть РАЦИРС являются частью куда более крупной структуры — Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве, или FECRIS.[19] А сам Дворкин занимает в ней пост вице-президента. Эта организация, финансируемая в том числе французским правительством, обладает консультативным статусом при Совете Европы и ООН. И тут локальный политический триллер начал приобретать очертания глобального заговора. Внезапно стало понятно, что российский «сектовед» — лишь винтик в куда более масштабном международном механизме, и его деятельность в России может быть лишь полигоном для отработки технологий, которые затем экспортируются на Запад.

Глава 3. Троянский конь в Страсбурге

Изучив путь Дворкина от пациента психдиспансера до главного «духовного эксперта» при российском Минюсте, я думал, что понимаю масштаб бедствия. Но одна строчка в его биографии, одна неприметная должность, которую он занимал, не давала мне покоя. Она выбивалась из общей картины, как иностранное слово в старинном манускрипте. «Вице-президент FECRIS». Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве.

Я перечитал это снова и снова. Европейская федерация. Организация, базирующаяся в Париже. Структура, имеющая официальный консультативный статус при Совете Европы и специальный статус при Экономическом и социальном совете ООН. Как? Как человек, чьи методы осуждались авторитетными религиоведами как псевдонаучные, чья риторика была полна ненависти и ксенофобии, мог занимать руководящий пост в организации, вхожей в святая святых европейской демократии? Это был не просто диссонанс.

Это была логическая невозможность, разлом в самой ткани реальности, какой я ее себе представлял. Российская драма, которую я расследовал, внезапно оказалась лишь одним актом в пьесе гораздо большего масштаба. И я понял, что, следуя за Дворкиным, я лишь заглянул в кроличью нору. Настоящая бездна ждала впереди, и находилась она не в Москве, а в самом сердце Европы — во Франции.

Мне нужно было понять, что такое FECRIS. На бумаге все выглядело безупречно и даже благородно. Я зашел на их официальный сайт. Респектабельный дизайн, сдержанные тона, логотипы солидных европейских институтов. Миссия, сформулированная на нескольких языках, звучала как манифест гуманизма: объединять организации, помогающие жертвам сектантских отклонений, защищать права человека, семью, личность и демократические устои. Они позиционировали себя как политически и религиозно нейтральную силу, как дозорных на страже европейских ценностей. Это был фасад — идеальный, отполированный до блеска, внушающий доверие. За этим фасадом скрывалась сеть из десятков «антикультистских» ассоциаций по всей Европе, от Австрии до Испании. Но что меня поразило больше всего, когда я копнул глубже, — это структура финансирования. Кто платил за всю эту правозащитную деятельность? Ответ я нашел в отчетах независимых наблюдателей, таких как Human Rights Without Frontiers. Ответ был ошеломляющим. На 94, а по некоторым данным и на все 95 процентов, бюджет FECRIS состоял из денег французского правительства. Деньги французских налогоплательщиков. [20]

Картина становилась все более сюрреалистичной. Демократическое государство, колыбель прав и свобод человека, на протяжении десятилетий щедро финансирует зонтичную структуру, вице-президентом которой является гражданин США Александр Дворкин — ключевая фигура в построении репрессивного идеологического аппарата в России. Аппарата, который под предлогом борьбы с «сектами» уничтожал гражданские свободы, преследовал инакомыслящих и разжигал ненависть. Получалось, что Франция, давала деньги на содержание европейского филиала российской машины пропаганды. Это уже не было похоже на недоразумение. Это было похоже на тщательно продуманную операцию.

FECRIS оказалась идеальным «троянским конем». Облаченная в доспехи правозащитной риторики, осененная флагами Совета Европы и ООН, эта

организация была пропущена внутрь крепости западной демократии. А внутри, как я начал понимать, она несла не защиту, а вирус. Вирус той самой идеологии ненависти, которую Дворкин так успешно культивировал в России: идеологии, делящей мир на «своих» и «чужих», на «здоровое общество» и «раковые клетки сект», которые нужно вырезать. Она давала российским методам европейскую легитимность. Она «отмывала» ксенофобскую пропаганду, переводя ее на респектабельный язык брюссельской бюрократии. Имя Дворкина в списке ее руководителей было не случайностью, а главным доказательством. Он был не просто одним из вице-президентов. Он был символом, живым воплощением этого союза.

Чтобы понять, как этот противоестественный альянс стал возможен, мне пришлось вернуться в 2009 год. Именно тогда произошло событие, которое можно считать точкой невозврата, моментом официального слияния российского и европейского «антикультизма». Ежегодная конференция FECRIS проходила в мае, и местом ее проведения был выбран… Санкт-Петербург. [21,22]

Сам выбор места был полон символизма. Не Париж, не Брюссель, не Вена. А бывшая столица Российской империи, город, который в сознании многих ассоциируется с «окном в Европу». Только на этот раз «окно» работало в обратную сторону. Через него в Европу проникала не свежая мысль, а идеология, замешанная на страхе и нетерпимости. Представьте себе эту сцену. В роскошных залах Санкт-Петербургского государственного университета собираются «борцы с сектами» со всей Европы. Люди, которые у себя на родине, возможно, искренне верили, что спасают сограждан от коварных гуру. Их встречают с распростертыми объятиями. Руководство FECRIS проводит встречи на высшем уровне: с министром юстиции России, с судьей Конституционного суда. Им показывают, как серьезно в России относятся к «сектантской угрозе», как государство и церковь работают рука об руку. Их погружают в атмосферу, где борьба с инакомыслием — это вопрос национальной безопасности.

И на фоне этих декораций происходит главное действо. Кульминация. Вице-президентом Европейской федерации избирается Александр Дворкин. Это был его триумф. Человек, которого на Западе многие серьезные ученые считали пропагандистом, а не экспертом, получает высокий пост в европейской структуре. Для FECRIS это был, возможно, способ расширить свое влияние на огромную российскую территорию. Но для Дворкина и его покровителей в Москве это была бесценная победа. Они получали доступ к европейским

трибунам. Они получали возможность влиять на европейскую политику изнутри. Они получали международное прикрытие для своей репрессивной деятельности в самой России.

Сам Дворкин не скрывал своего восторга. В интервью после избрания он говорил, что это «огромное доверие» к нему и его российским коллегам, что это «повышает статус России» в глобальной борьбе с «тоталитарными сектами». Он прекрасно понимал, что произошло. С этого момента его личная война переставала быть только российским делом. Она становилась частью общеевропейской повестки. «Русский мир» в его самом агрессивном, идеологическом проявлении получал официальную прописку в Страсбурге.

Тринадцать лет, с 2009 по 2022 год, Дворкин был одним из лиц FECRIS. За эти годы идеологическая матрица, отработанная в России, начала активно экспортироваться в Европу. Происходила тихая, но методичная работа по унификации языка и методов. Терминология Дворкина, не имеющая научной основы, но чрезвычайно эффективная для создания паники — «деструктивный культ», «контроль сознания», «зомбирование», — через публикации и конференции FECRIS распространялась по всему континенту. Европейские филиалы федерации, получая методическую поддержку и идеологическую накачку, начинали говорить на одном языке.

Я находил этому множество подтверждений. Например, репортер чешских СМИ, в своих публикациях использует поразительно знакомые метафоры. Она называет новые религиозные движения «сектами» и «культами», а ее риторика, методы манипуляций и дегуманизации полностью соответствуют методам и нарративам российских антикультистов, членов РАЦИРС. Её деятельность далека от журналистики и превращается в инструмент давления: публикация персональных данных, вплоть до адресов и фамилий представителей преследуемых организаций, становится средством запугивания и травли.

Эта методология не возникла на пустом месте — ее идеологическое обоснование и практические рекомендации были четко сформулированы российским антикультовым руководствам, чтобы тиражировать такой опыт. Здесь уместно вспомнить высказывания члена РАЦИРС, протоиерея Дмитрия Смирнова международной онлайн-конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века», организованной Александром Дворкиным в 2001 году.

«Это стоит какого-то количества денег, но это неизбежно. Так же можно добиться закрытия любой секты, абсолютно, если это пожелать, заняться двум человекам, один будет писать, а другой разносить».

«Иногда достаточно минимального количества активистов для того, чтобы своротить дело государственного масштаба».

«Второе, я назвал это "фамилии и адреса". Двум человекам в любом городе вполне под силу узнать адреса, фамилии, имена, отчества, домашние адреса руководителей всех существующих сект».

«И можно их от фотографировать при выходе из дома. Чтобы каждый житель города знал их в лицо, знал фамилию, имя, отчество, домашний адрес и телефон. И можно еще факс и E-mail. И пусть дальше продолжают жить. А вторым этапом можно сказать, что это за секта, очень кратко, телеграфным способом. ... Биографии всех руководителей сект с изображением их физиономии. Например, как это помягче выразиться, — Обрыдло Свамибратхупады, оно само за себя говорит. Что это за человек, коль у него такая рожа».

«Регулярно на правах рекламы можно в самых дешевых газетах, можно на телевидении, собирая деньги понемножку с прихожан, печатать, либо бегущей строкой, либо на правах рекламы, список тоталитарных сект с указанием их руководителей и их адресов, чтобы народ их знал...»

«Поэтому создание вот таких организаций. где будет спорт, где будет некоторая интрига, где можно будет этих ребят, как разведчиков, посылать в секты. чтобы узнавать адреса, фамилии. фотографии, чтобы там они создавали внутри свои структуры, и можно их, эти секты, взрывать изнутри».

«Скоро выборы в Нижнем Новгороде. Нужно, чтобы каждый депутат понял... если в его программе не будет слов "борьба с тоталитарными сектами", он не пройдет.... Мы их наняли, понимаете. Они служащие наши».[23]

Что особенно тревожно, эти инструкции не были оригинальными — они имели четкий и хорошо узнаваемый идеологический генезис. Это были дословные формулировки из книг и лекций Дворкина, который, в свою очередь, заимствовал их у своих идеологических предшественников времен нацистской Германии, говоривших о евреях как о «инородной клетке» на теле нации. Дегуманизирующий язык, оправдывающий любые, самые жестокие меры, через

Москву и при финансовой поддержке Парижа расползался по Европе. FECRIS стала для Дворкина и его Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) идеальной платформой. Они организовывали совместные конференции, обменивались «экспертами», создавали единое информационное поле, в котором любой, кто не вписывался в узкие рамки традиционной религиозности, мог быть объявлен врагом. Они лоббировали свои интересы в европейских структурах, используя свой официальный статус. Под прикрытием защиты прав человека они, по сути, продвигали повестку, которая эти права подрывала, создавая атмосферу подозрительности и нетерпимости.

И самое поразительное — это работало. На протяжении многих лет правозащитные организации, такие как уже упомянутая Human Rights Without Frontiers или Forum for Religious Freedom Europe (FOREF), били в набат. Они публиковали отчеты, разоблачающие ксенофобскую и дискриминационную природу деятельности FECRIS. Они указывали на многочисленные судебные иски против членов федерации по обвинениям в клевете. Они кричали о недопустимости финансирования такой организации из бюджета демократического государства. Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) прямо называла FECRIS одной из главных угроз для свободы вероисповедания. Но их голоса тонули в общем хоре. Фасад был слишком респектабельным, связи — слишком прочными. Система защищала саму себя. Казалось, ничто не может пошатнуть этот альянс.[25, 26, 27, 28, 29]

Но затем наступило 24 февраля 2022 года. Когда первые российские ракеты ударили по украинским городам, мир изменился. Для многих компаний, организаций и политиков, имевших дела с Россией, настал момент истины. Нужно было выбирать сторону. Отсидеться в стороне стало невозможно. И я, затаив дыхание, стал ждать реакции FECRIS. Организации, чей вице-президент был одним из самых ярых идеологов путинского режима, человеком, который годами готовил почву для этой войны, называя Украину «рассадником сект» и клеймя ее прозападный выбор.

Казалось бы, решение было очевидным. Немедленно и публично разорвать все связи с Дворкиным и его структурами. Осудить не только войну, но и идеологию, которая к ней привела. Признать свою чудовищную ошибку, которая длилась тринадцать лет. Любой другой шаг означал бы полное моральное банкротство.

Но со стороны FECRIS последовали тишина и нерешительность. Да, на их сайте появилось сдержанное заявление в поддержку украинского народа. Да, через некоторое время из списка членов на сайте тихо исчезли российские ассоциации. Но не было главного — публичного, громкого и недвусмысленного осуждения своего многолетнего вице-президента. Дворкин, который в это самое время в российских СМИ призывал к уничтожению «украинских нацистов» и «сатанистов», формально все еще оставался частью европейской структуры. Это молчание становилось знаком одобрения, пока сам Дворкин в своих выступлениях активно конструировал идеологический фундамент для будущей полномасштабной войны. Яркой иллюстрацией этого процесса стало его интервью, в котором он впервые возложил вину за Революцию Достоинства на униатскую церковь:

«Есть несколько религиозных групп и несколько религиозных культов, которые играют весьма заметную роль в тех событиях. Во-первых, униатская церковь… играла очень заметную и очень, я бы сказал, бурную роль для множества униатских священников, проповедовавших там во всех своих литургических облачениях…».

Когда интервьюер спросил о возможной роли Ватикана в урегулировании конфликта, Дворкин не просто усомнился в его способности помочь, а перешёл к нападкам, заявив, что:

«Ну, нынешний папа Франциск, он на самом деле не сторонник революции, но то, как он себя ведет, показывает, что он принял часть этого наследия».[30]

Далее его теория заговора разрослась, включив в число мишеней протестантских пасторов-баптистов, которых он обвинил в разжигании национализма. Апогеем же стали его утверждения о тогдашнем премьер-министре Украины Арсении Яценюке. Дворкин настойчиво повторял неподтверждённые сообщения СМИ о его связях с саентологией, представив это как скрытую операцию ЦРУ:

«В СМИ было много сообщений, в которых его называли Scientologist… Если бы он был открытым Scientologist, это было бы очень плохо. Но все же, по крайней мере, вы бы знали, чего от него ожидать. А вот когда человек, на самом деле Яценюк, назвал себя греко-католическим униатом [будучи Scientologist], и был униатский священник, который подтвердил, что он униат, я считаю, что это очень опасно».

Затем в интересной манере теории заговора он экстраполировал тот факт, что это был способ ЦРУ контролировать его, используя Scientology приемы для того, чтобы «контролировать свое поведение и контролировать свои действия».[30]

Завершающим элементом этой риторической конструкции стали атаки на «неоязычество». Дворкин напрямую связал его с неонацистскими группировками, заложив тем самым один из ключевых пропагандистских нарративов. Именно эта идея — слияния национализма, инаковерия и «нацизма» — спустя годы была возведена в ранг государственной доктрины, получив название «денцификации» и став официальным оправданием для полномасштабного вторжения в Украину. Таким образом, его маргинальные на первый взгляд теории оказались не просто словами, а идеологическим оружием, предвосхитившим и легитимизировавшим большую войну.[30]

Эта нерешительность длилась больше года. Целый год, пока лилась кровь, пока мир содрогался от новостей из Бучи и Мариуполя, FECRIS молчала о своей главной проблеме. Этот год молчания был красноречивее любых заявлений. Он говорил о том, что связь с Дворкиным была не просто формальной. Она была идеологической, системной. Избавиться от него означало для федерации ликвидировать часть самой себя, признать, что вся ее многолетняя деятельность была построена на лжи.

И пока руководство в Париже раздумывало, что делать с этим токсичным активом, один из французских филиалов FECRIS продемонстрировал, насколько глубоко проникла зараза. 15 июля 2022 года, почти через пять месяцев после начала полномасштабного вторжения России в Украину, в Париже прошел симпозиум, организованный ассоциацией GEMPPI — французским членом международной антикультовой организации FECRIS.[31]

Мероприятие, вероятно, финансировавшееся из кармана французских граждан-активистов, имело своим почетным гостем человека, чье присутствие раскрывало глубокие идеологические связи между российскими и западными антикультовыми движениями. Этим гостем был не кто иной, как Роман Силантьев. Это имя стоит запомнить. Еще в 2019 году Силантьев публично подтвердил, что сотрудничает с ФСБ РФ, читая сотрудникам спецслужб лекции и подготавливая экспертизы.[32]

Идеологическим фундаментом его деятельности является так называемая «деструктология»— дисциплина, которую Силантьев сам и придумал в 2019 году. Своё детище он описывает с характерным цинизмом:

«Ну да, два года назад придумал я новую прикладную науку. У нас многие доктора этим грешат. Считается, что ты не настоящий доктор, если какую-нибудь новую науку не придумал».[33]

Суть этой «науки» раскрывается в её всеобъемлющем и размытом предмете. По словам Силантьева:

«Это некое сильно расширенное сектоведение, позволяющее заниматься не только сектами, но и магами, психокультами, молодёжными субкультурами, террористами, в общем всем, что у нас опасно для души человека…».[34]

Таким образом, эта концепция предоставляет неограниченные возможности для стигматизации практически любой формы социальной или религиозной активности, объявляя её «деструктивной».

Примечательно, что именно этот гибкий и непрофессиональный инструментарий был официально легитимизирован в России. Силантьев готовит экспертные заключения для ФСБ, а в 2009 году он был назначен заместителем председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Это назначение демонстрирует, как маргинальные, созданные «под заказ» теории проникают в высшие эшелоны государственной власти, становясь основой для официальных решений и экспертиз, определяющих судьбы религиозных объединений и граждан.

Именно этот официальный статус государственного эксперта служил прикрытием для его самых радикальных заявлений, придавая им видимость легитимности. Уже через три недели после начала полномасштабного вторжения, 18 марта 2022 года, Роман Силантьев публично продемонстрировал, как его «деструктология» превращается в прямое идеологическое оружие войны. В своих заявлениях он, не брезгуя самыми абсурдными обвинениями, утверждал, что украинское руководство вдохновляется «оккультными и языческими» идеологиями, направляет в Россию «сатанистов» для совершения терактов и диверсий, и что украинская разведка спонсирует культы, причастные к стрельбе в российских школах и даже к массовым убийствам кошек.[35]

Эта риторика, вышедшая в самый разгар жесточайших боёв под Киевом и Мариуполем, была не маргинальным бредом, а частью целенаправленной кампании. Читая это, отказываешься верить своим глазам: на фоне реальных разрушений и гибели людей, один из ведущих российских «сектоведов», сотрудничающий с ФСБ, объяснял войну борьбой с «сатанистами» и убийцами кошек. Этот случай наглядно показывает, что российские антикультисты с самого начала стали одними из самых агрессивных идеологами сторонников войны, предлагая режиму не просто оправдание, а мифологическое обоснование.

Я читаю это и не верю своим глазам. Июль 2022 года. Париж. Французская организация, входящая в европейскую сеть с консультативным статусом при Совете Европы, предоставляет площадку человеку, чьи взгляды уже были закалены в огне военной пропаганды. Это был уже не сюрреализм, а отлаженный механизм гибридной войны, где псевдоэкспертная риторика служила для легитимизации агрессии в глазах международной общественности. Это был откровенный шабаш. Это было наглядное доказательство того, что FECRIS и ее филиалы — не заблуждающиеся гуманисты, а сознательные соучастники в информационной войне, которую Кремль вел против всего цивилизованного мира. Этот симпозиум стал квинтэссенцией всей деятельности федерации — респектабельная вывеска, демократическая площадка и абсолютно человеконенавистническое содержание. Критической точкой стало открытое письмо, направленное президенту Франции Эмманюэлю Макрону. В нем десятки украинских ученых и правозащитников потребовали от властей Франции прекратить финансирование организаций, предоставляющих платформу для российской военной пропаганды:

«Уважаемый господин президент, мы являемся группой украинских ученых и правозащитников, большинство из нас в настоящее время базируются в Украине. Мы написали вам в ноябре, обратив ваше внимание на финансирование пророссийской ассоциации FECRIS Францией и попросив вас вмешаться, чтобы положить конец этому финансированию.

Поскольку мы не получили никакого ответа, мы берем на себя смелость написать вам, чтобы узнать, какие действия вы намерены предпринять в нашем письме.

Как мы и проработали в нашем первом письме, поддержка FECRIS российской пропаганды против Украины очень хорошо задокументирована.

Это началось давно, и теперь Владимир Путин принял теории FECRIS, обвиняющие Запад в «сатанизме» и «культизме», и эти обвинения являются частью его государственного пропагандистского аппарата.

Кроме того, мы узнали, что MIVILUDES, которое является правительственным учреждением, предназначенным для борьбы с тем, что они называют «культами» (сектами), официально сотрудничает с FECRIS и имеет среди своих исполнительных рядов бывшего политика, который участвовал в 2019 году в поездке в оккупированный Крым, с французской делегацией, которая встретилась с Владимиром Путиным и потворствовала российской оккупации Крыма российскими войсками. Имя этого политика — Жорж Фенех, и в настоящее время он является членом Ориентационного совета MIVILUDES.

Это само по себе возмутительно.

Как мы заявили в нашем предыдущем письме, мы глубоко ценим помощь, которую Франция оказывает нашей стране в самой сложной ситуации, с которой мы сталкиваемся в эти ужасные времена для нашего народа. Тем не менее, мы не можем поверить, что вы не собираетесь действовать, чтобы исправить это несоответствие.

Финансово и морально поддерживать такие антидемократические организации, которые занимаются пропагандой Кремля, и принимать в ряды правительственного учреждения на таком высоком уровне политика, который открыто занимался поддержкой российского вторжения в Крым, определенно неверно.

Франция должна отстаивать свои ценности и быть последовательной в том, за что она выступает.

Вот почему мы снова, с уважением, просим вас убедиться, что Франция прекратит финансировать такую ассоциацию, которая является врагом Запада и демократии и работала рука об руку с российскими властями против Украины. Кроме того, мы хотели бы знать, что вы собираетесь делать в отношении мест Жоржа Фенеха в MIVILUDES.

Большое спасибо за вашу помощь в этом важном вопросе».[36]

Видимо, после таких скандалов и под давлением общественности, чаша терпения переполнилась даже у самых лояльных покровителей. В марте 2023 года, спустя год и один месяц после начала войны, FECRIS наконец объявила об

исключении Дворкина и всех российских ассоциаций. Это был развод. Шумный и скандальный. Униженный Дворкин, которого столько лет лелеяли и продвигали, в ответ обрушился на своих бывших партнеров, назвав их в своей типичной манере «трусами и расистами». Маска благопристойности была окончательно сброшена. Троянский конь, который так долго стоял в центре европейской площади, наконец, треснул, и из его чрева наружу полезли не греческие воины, а уродливые призраки кремлевской пропаганды.

Казалось бы, история закончена. Зло, пусть и с опозданием, названо злом. Связь разорвана. Но меня не покидало ощущение, что это слишком просто. Система, выстраивавшаяся десятилетиями, не могла рухнуть в один момент из-за исключения одного, пусть и самого одиозного члена. Идеология, которую она распространяла, пустила слишком глубокие корни. Дворкин был лишь верхушкой айсберга, самым заметным и громким представителем. Но сеть осталась. И она, как гидра, могла отращивать новые головы.

Я понял, что российский след не оборвался в Страсбурге. Он лишь стал менее явным, ушел в тень. И тогда я задался вопросом: если европейский центр сети так сильно скомпрометирован, то где теперь ее главный плацдарм? Где эта идеология продолжает жить и работать, возможно, в более утонченной, адаптированной для западного уха форме? Ответ, как это ни парадоксально, вернул меня к самому началу моего расследования. В Великобританию.

Я вспомнил, с чего все началось. С репортажей BBC, с выступлений доктора Александры Стайн, чей язык патологизации так напомнил мне российских «сектоведов». Я начал искать связи. И первая же ниточка оказалась золотой. Оказалось, что в прошлом президентом FECRIS был не кто иной, как сэр Томас Сэквилл, бывший заместитель министра Великобритании. Высокопоставленный британский политик во главе организации, вице-президентом которой был Дворкин. Это уже была серьезная зацепка, указывающая на то, что британский истеблишмент был частью этой игры.

Значит, в Великобритании должен существовать свой форпост, свой филиал этой международной сети. И люди, которые им управляют, должны быть старыми знакомыми и единомышленниками Дворкина. Возможно, они не говорят о «сатанистах» и «убийствах кошек». Их риторика наверняка более изящна, более академична, приспособлена для эфира BBC. Но суть, идеологическое ядро, должно быть тем же. Это они, эти «респектабельные эксперты», и есть новая, адаптированная версия троянского коня, действующая

уже не на общеевропейской арене, а на самом важном и чувствительном для общественного мнения поле — в британских медиа.

Глава 4. Британский форпост: Александра Стайн и ее «Семейный траст»

Возвращение в Лондон после Страсбурга было сродни выходу из душного, прокуренного кабинета на пронизывающий до костей ветер. Там, в коридорах европейской бюрократии, я увидел, как работает машина. Я увидел, как деньги французских налогоплательщиков смазывают шестеренки механизма, вице-президентом которого долгие годы был Александр Дворкин. Я увидел, как под респектабельной вывеской FECRIS идеология ненависти, рожденная в России, получала европейский паспорт и отправлялась в турне по всему континенту. Это было отрезвляющее зрелище. Я думал, что распутал главный узел. Но, как оказалось, я лишь проследил за одной из многих нитей, и самая главная, самая прочная и искусно замаскированная вела обратно, домой. В туманный Альбион.

Путешествие в мир Дворкина и его европейских покровителей началось для меня со странных отголосков, которые я услышал в эфире BBC. С голоса доктора Александры Стайн. Теперь, после всего, что я узнал, мне нужно было вернуться к этому голосу, но слушать его уже не как случайный диссонанс, а как целенаправленный сигнал, как эхо-локацию летучей мыши, обозначающей свое присутствие в темноте. Я понял, что расследование не закончено, пока я не пойму, кто именно в Великобритании принимает этот сигнал и ретранслирует его дальше. Если FECRIS была «троянским конем» в масштабах всей Европы, то должен был существовать и ее локальный, британский гарнизон. Форпост, укомплектованный своими солдатами и своими идеологами.

Мои поиски не были долгими. В мире антикультизма все дороги ведут не в Рим, а друг к другу. Достаточно было найти официальный список членов FECRIS, и британский флажок в этом списке стоял напротив скромного, почти домашнего названия: The Family Survival Trust, или TFST. «Фонд выживания семьи». Звучало как название группы психологической поддержки для жертв бытового насилия или людей, переживших тяжелую утрату. Их сайт, выполненный в спокойных, пастельных тонах, был полон историй о страданиях и обретении надежды. Официально это была благотворительная организация,

зарегистрированная в Соединенном Королевстве, с благородной миссией — «облегчение психических страданий», вызванных давлением со стороны манипулятивных групп. Они помогали семьям, консультировали, вели просветительскую работу. Идеальная витрина. Но я уже научился не доверять витринам. Я знал, что за самым гуманистическим фасадом может скрываться нечто совсем иное.

Изучив их уставные документы, я обнаружил, что одной из заявленных целей организации было лоббирование изменений в британском законодательстве. В частности, они хотели расширить действие Закона о серьезных преступлениях на «культовые группы».

«В июле 2022 года британская организация под названием The Family Survival Trust опубликовала отчет на тему «Принудительный контроль в культовых группах в Соединенном Королевстве» и широко распространила его через британские СМИ. Целью доклада было поддержать, путем представления результатов специального опроса, лоббистские усилия Траста по распространению на «культы» существующего законодательства Великобритании против принудительного поведения в семейных и межличностных отношениях, определяемого как использование «нападений, угроз, унижения, запугивания и других злоупотреблений», — констатируют исследователи Массимо Интровинье и Джеймс Т. Ричардсон в своей статье для издания «Горькая зима».[37]

Это уже не было похоже на простую группу поддержки. Это была заявка на политическое влияние. Группа поддержки не пишет законопроекты. Это делает лоббистская структура. И эта структура открыто заявляла, что является «британским филиалом» и «местным отделением» FECRIS. Той самой FECRIS, где Дворкин столько лет задавал тон. Связь была установлена. Форпост был обнаружен. Теперь нужно было посмотреть, кто в нем командует.

И вот здесь меня ждал первый настоящий шок. В списке руководства TFST, на самой вершине, стояло имя, которое заставило меня откинуться в кресле и несколько раз протереть глаза. Председатель — достопочтенный Том Саквилл. Я знал это имя. Любой, кто хоть немного следил за британской политикой в 80-е и 90-е, знал его. Аристократ, выпускник Итона и Оксфорда, сын графа. Консерватор, член парламента на протяжении четырнадцати лет. Но главное было не в этом. В правительствах Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора Том Саквилл занимал посты заместителя министра. Сначала в Министерстве

внутренних дел (Home Office) в 1990-1992, а затем в Департаменте здравоохранения в 1992-1997. Человек из самого сердца британского истеблишмента.

И этот человек, бывший замминистра внутренних дел, с 2000 года возглавлял скромную благотворительную организацию, оказавшуюся британским филиалом FECRIS. Но и это было еще не все. Копнув чуть глубже, я обнаружил вишенку на торте, деталь, которая превращала всю эту картину из подозрительной в неопровержимую. С 2005 года Том Саквилл был вице-президентом самой FECRIS. А в 2009 году, в том самом году, когда в Санкт-Петербурге вице-президентом федерации избрали Александра Дворкина, Том Саквилл стал ее президентом. [38]

Просто представьте себе эту картину. 2009 год, Европейская антикультистская федерация, финансируемая Францией, выбирает себе новое руководство. Президентом становится бывший министр Ее Величества, британский аристократ, консерватор до мозга костей. А вице-президентом — гражданин США, бывший пациент советского психдиспансера, идеолог репрессивной политики в России, Александр Дворкин. Два мира, которые, казалось бы, не должны пересекаться, сошлись в одной точке, в одной организации, в одном президиуме. Саквилл и Дворкин. Это был не просто союз, это была идеальная комбинация. Саквилл давал сети респектабельность, аристократический лоск и прямой выход на британские и европейские властные круги. Дворкин давал ей идеологию, агрессивный напор и доступ к огромному «рынку» постсоветского пространства. Саквилл был фасадом, а Дворкин — действующей силой. И вместе они руководили этой структурой на протяжении нескольких лет.

Теперь деятельность «The Family Survival Trust» представала в совершенно ином свете. Это была не просто благотворительная лавочка. Это был штаб, которым командовал человек, одновременно занимавший высшие посты и в британском филиале, и в материнской европейской организации. Он был тем мостом, по которому идеи, риторика и методы, отработанные Дворкиным в России, могли беспрепятственно переправляться через Ла-Манш, получая по дороге британский акцент и аристократическую огранку.

Но Саквилл был стратегом, человеком в тени. Ему нужен был публичный спикер. Рупор. Голос, который мог бы донести эти идеи до широкой аудитории,

до зрителей и читателей BBC. И этот голос у него был. В списке попечителей, доверенных лиц TFST, я нашел знакомое имя. Доктор Александра Стайн.

Круг начал смыкаться, но не так, как я ожидал. Это был не замкнутый круг, а спираль, которая возвращала меня к исходной точке, но на совершенно новом уровне понимания. Женщина, чей голос в эфире BBC показался мне «странным отголоском», оказалась не независимым экспертом, случайно приглашенным журналистами. Она была официальным лицом, попечителем организации, являющейся прямым подразделением сети, где Дворкин был одним из лидеров, а ее председатель, Том Саквилл, — его непосредственным начальником и коллегой по президиуму.

Теперь мне нужно было сделать главное. Мне нужно было доказать, что это не просто организационная связь, а идеологическое единство. Что Стайн не просто работает в одной структуре с друзьями Дворкина, а говорит их словами. Что ее рафинированная, академическая риторика, звучащая в лондонских студиях, — это лишь хорошо переведенная и адаптированная версия той самой «методички», по которой Дворкин и его последователи работают в России.

Я сел за стол, разложив перед собой свои записи. С одной стороны — выдержки из книг, лекций и бесчисленных интервью Александра Дворкина, которые я собрал за последние месяцы. Агрессивные, прямолинейные, полные медицинских метафор и апокалиптических пророчеств. С другой — распечатки статей Александры Стайн для BBC и стенограммы ее выступлений. Спокойные, взвешенные, наукообразные. Я начал их сравнивать. Построчно. Тезис за тезисом. И то, что я обнаружил, превзошло все мои ожидания. Это были не просто отголоски. Это была почти дословная калька.

Первая тема: «Прикрытия». Дворкин годами твердил, что секты маскируются под безобидные занятия. Одна из его любимых мишеней — йога.

«Для того, чтобы человек попал в секту, необходимо, чтобы совпали два условия: первое — чтобы сектантская приманка соответствовала интересам самого человека. В секту же не приглашают. Приглашают на бесплатные курсы английского языка, к удивительному диагносту-доктору, который увидит все болезни — те, которые есть, и те, которые будут, на веселую молодежную тусовку, на курсы ведической кулинарии или восточного танца, на кружок по занятию йогой или восточными единоборствами, на интересную высокооплачиваемую работу, курсы раскрытия внутреннего

потенциала, личностного роста, как стать победителем, как научиться рисовать за одно занятие, на лекторий по древнему философскому наследию. Это только несколько вариантов, на самом деле их гораздо больше. За всем этим может скрываться секта. Поэтому, если к вам подойдет человек с таким предложением, которое вас заинтересует, это уже первый шажок». [39]

Для него йога — это не гимнастика, а «искусство смерти»,[40,41] опасный путь в лапы вербовщиков. А теперь я смотрел на статью Стайн на сайте BBC.

«Некоторые из них являются религиозными, политическими или «самосовершенствующими», но их также можно публично описать как боевые искусства, йогу, бизнес, НЛО и терапевтические группы». [2]

То же самое слово, тот же самый прием. Безобидное увлечение миллионов людей одним росчерком пера ставится в один ряд с деструктивными группами и политическим экстремизмом. Дворкин кричал об этом на площадях, Стайн шептала об этом со страниц BBC. Но сообщение было идентичным: будьте осторожны, враг может скрываться на соседнем коврике для йоги. Более того, я нашел информацию о том, что Стайн читала специальную лекцию для британского Союза учителей йоги, предостерегая их от культовой динамики. [42]

Сначала создать угрозу, а потом прийти в роли спасителя. Классическая схема.

Вторая тема: Связь с терроризмом. Это один из козырей Дворкина. Для придания своей борьбе веса он постоянно пытается связать «секты» с чем-то по-настоящему страшным. Он вспоминает газовую атаку «Аум Синрикё» в токийском метро, намекает на связь новых религиозных движений с «цветными революциями» и иностранными разведками. В последние годы он прямо увязывает «неоязычников» и «сатанистов» с украинской государственностью и терроризмом, оправдывая таким образом войну. Его цель — создать в голове у слушателя простую связку: секта = терроризм. А что же доктор Стайн? Название ее главной книги говорит само за себя: «Страх, любовь и пропаганда: Механизмы влияния в сектах и тоталитарных системах». Уже в заглавии она ставит знак равенства между методами культов и методами террористов. В самой книге она проводит прямые параллели между лидерами сект, тоталитарными диктаторами и террористическими группами, включая ИГИЛ.

«Наряду с гибелью детей сложнее всего примириться с суицидом членов культовых организаций. Известны случаи и массового самоубийства — всегда по приказу лидера».

«Как раз этот вопрос и стал фундаментом моей книги. Что представляет собой этот процесс, когда лидеры тоталитарных групп добиваются всеобъемлющего контроля над последователями своего культа и заставляют их повиноваться всем приказам — вплоть до лишения себя жизни или даже принесения в жертву собственных детей?»

«Основная моя задача — продемонстрировать главные социально-психологические и структурные элементы, которые объединяют все разнообразные ситуации, описанные в книге, и приводят к тому, что харизматичные авторитарные лидеры сект так преобразуют сознание своих последователей, что те даже не способны действовать в интересах собственного выживания».

«И только третий акт попадает в заголовки всех газет с поражающей регулярностью. Именно тогда мы видим взрывную (иногда — буквально) кульминацию и итог. Гибель прохожих, врагов, последователей, детей. Мы видим геноцид в исполнении тоталитарных режимов — от Гитлера до Пол Пота. Или менее масштабные трагедии наподобие газовой атаки в токийском метро, устроенной членами секты «Аум синрикё» в 1995 году. К этому же разряду относится история молодого англичанина, который примкнул к ИГИЛ в Сирии и занимался обезглавливанием заложников на камеру. Но печальнее всего наблюдать за юными судьбами: от детей-солдат до тех, чья жизнь приносится в жертву по прихоти руководителей сект».

«Некоторые попадают в террористические организации и секты посредством дружеских связей. Вот что пишет Нойманн по поводу вербовки в ИГИЛ: «В большинстве случаев речь идет об обычных социальных обязательствах и желании быть рядом с друзьями». Один из самых распространенных путей в правоэкстремистские группировки начинается с музыки — от панк-рока и тусовок скинхедов до музыки white power и разнообразных праворадикальных организаций». [43]

И совсем недавно, после штурма Капитолия 6 января, именно ее, Александру Стайн, пригласили в Сенат США, чтобы дать показания о «культовом характере трампизма».

«Заявление для записи для Специального комитета по расследованию нападения на Капитолий Соединенных Штатов 6 января: [44] политические культы и использование культовой тактики при вербовке и мобилизации участников нападения на Капитолий 6 января. Запись Конгресса. 2022» [45]

«Заявление для протокола автора Александры Стайн

Приглашенный научный сотрудник Лондонского университета Саут-Бэнк

Специальный комитет по расследованию нападения на Капитолий США января

31 марта 2022 г.

Политические культы и использование культовой тактики при вербовке и мобилизации участников нападения на Капитолий 6 января». [46]

Снова та же логика. Берется явление, которое вызывает у общества страх — терроризм, политический экстремизм, — и на него, как ярлык, наклеивается слово «культ». Стайн делает это изящнее, через академические теории, Дворкин — через грубую пропаганду. Но результат один: создание образа врага, который не просто заблуждается, а представляет смертельную угрозу.

Третья тема: Структура «пирамиды». Дворкин обожает эту метафору. Он прямо называет коммерческие культы, такие как Amway или Herbalife, «финансовыми пирамидами». Когда речь заходит о духовных группах, он описывает их иерархию как «пирамидальную», где каждый нижестоящий рабски копирует вышестоящего, создавая систему «духовного клонирования».

«У тоталитарных сект есть определенные характеристики, которые отличают их от других групп... Члены беззаветно преданно служат лидеру группы и не подвергают сомнению ни одно его слово или действие.

С ростом организации у гуру появляется множество помощников, «приближенных лиц», которые играют роль «маленьких гуру» для рядовых сектантов. Они подражают гуру, а сектанты — им. Такая пирамидальная структура обеспечивает жесткость контроля и единообразие в организации». [4]

Это простой и понятный образ, вызывающий ассоциации с обманом и мошенничеством. Перевожу взгляд на тексты Стайн. Она описывает культы как:

«Черты культов: управляется харизматичным, авторитарным лидером или группой лидеров, который стремится к экстремальному уровню контроля над последователями; использует иерархическую пирамидальную структуру со слоями секретности, окружающими лидера. Последователи социально, психологически, а иногда и физически изолированы; поведение лидера оправдано тоталитарной системой убеждений, которая утверждает, что имеет все ответы; проходит процесс промывания мозгов. Полное погружение в группу не оставляет времени или пространства для самостоятельно созданных отношений или деятельности; группа чередует явно любящий или внимательный подход с растущим уровнем стресса или страха. Это может быть реализовано через недосыпание или еду, апокалиптические предсказания или угрозы насилия или сексуального насилия; этот процесс принудительного контроля создает последователей, которые контролируются лидером или за него, не обращая внимания на их собственные потребности». [2]

Та же самая пирамида, только описанная более научным языком. Она также упоминает существование более рыхлых фронт-групп, которые могут использоваться для вербовки, что идеально соответствует нижним, самым широким уровням пирамиды, завлекающим новичков. Снова полное совпадение структурного понимания.

Александра Стайн: «Возможно, многие террористические и экстремистские группы используют аналогичные процессы изоляции для вербовки и индоктринации членов». [2]

Александр Новопашин, вице-президент РАЦИРС: «Это террористические организации, которые прикрываются Кораном и используют всевозможные техники вербовки, которые активно применяются практически во всех деструктивных тоталитарных сектах».[47]

Четвертая тема: Методы контроля. У Дворкина для этого есть свой любимый, псевдонаучный термин — «контроль сознания» или «зомбирование». Он постоянно говорит о психологическом давлении, о том, что вербовщики нацеливаются на людей в «стрессовом состоянии», используют их уязвимость. Он описывает, как жизнь членов секты «полностью загружена», чтобы у них не оставалось времени на критическое мышление.

«Главное, опять же человек более внушаем, когда он переживает стресс. Значит нужно создать такую ситуацию, когда все пребывание в секте — это постоянный стресс. Стресс — это когда некогда остановиться, некогда задуматься, круговерть давления, комплекс внушаемой вины, неумеренные похвалы или чрезвычайно жестокие наказания, групповое давление, определенная диета, сокращенное количество сна и т. д..».

«А второе условие — человек должен быть внушаемым. Есть люди более внушаемые, есть менее внушаемые, но совсем не внушаемых людей нет. Когда мы переживаем стресс, внушаемость повышается. Чем сильнее стресс, тем больше внушаемость».

«Когда мы переживаем стресс, внушаемость повышается. Чем сильнее стресс, тем больше внушаемость... Но причиной стресса необязательно должно быть несчастье. Иной раз достаточно поехать в отпуск. Отпуск — это тоже стресс». [48]

Теперь смотрим на выводы Стайн и ее коллег из TFST. В своем отчете на тему «Принудительный контроль в культовых группах в Соединенном Королевстве», [37] соавтором которого она является, прямо указывается на лишение сна как на один из ключевых методов (об этом сообщили 46% опрошенных).

«Участников спросили, лишала ли группа их основных потребностей. Из 88 респондентов о 88% заявили, что группа лишила их возможности отдыха или свободного времени; о 64% заявили, что были лишены возможности уединиться; о 46% заявили, что были лишены сна; и о 35% заявили, что столкнулись с чрезмерным контролем над питанием». [49]

Вся ее теория построена на динамике террора и любви, которая создает травматическую привязанность у жертвы. Она выделяет хроническое возбуждение *стресса и страха* как главный элемент контроля.

«Группа чередует явно любящий или внимательный подход с нарастающим уровнем стресса или страха. Это может быть реализовано через лишение сна или пищи, апокалиптические прогнозы или угрозы насилия или сексуального насилия».

«Жертвы, возможно, пережили недавние потрясения, такие как разрыв отношений или переезд в новый район. Это может сделать их более

открытыми для начала новой дружбы или деятельности, которая в конечном итоге может быть связана с культом». [2]

Опять то же самое. Дворкин говорит «зомбирование», Стайн — травматическая привязанность через стресс. Дворкин говорит о полной загруженности, Стайн о «лишение сна». Суть одна и та же, отличается лишь упаковка: вульгарно-пропагандистская у одного, академически-психологическая у другой.

Пятая тема: Профиль жертвы. Кто может попасть в секту? Дворкин отвечает просто: кто угодно. Он любит повторять, что наиболее уязвимы люди в «стрессовом состоянии», но тут же добавляет, что «в секту не приходят, в секту приводят». Его главный посыл — никто не застрахован. Это создает всеобъемлющий страх. Самая опасная секта, говорит он, — «та, в которую попали ваши близкие».

«Для каждого из нас наиболее опасная секта — та, в которую попали близкие нам люди. Самые активные и распространенные в масштабах нашей страны — это неопятидесятническое движение, количество его адептов в России превысило 300 тысяч человек». [50]

А что говорит Стайн? Почти то же самое, но с другой интонацией. Она разрушает миф о том, что в «секты» попадают только слабые, глупые или психически нестабильные люди. По её словам, при правильном наборе техник радикально манипулировать можно практически любого.

«Лидер — или группа как продолжение самого лидера — изображает безопасную тихую гавань, в которой любой последователь может укрыться от своих страхов. Основное средство достижения этой цели состоит из двух связанных элементов — изоляции последователя, чтобы в его поле зрения не попала никакая другая «тихая гавань», и внушения ему страха».

«Дезорганизованная привязанность оказывает сильнейшее влияние на наши эмоции и мышление, и это помогает объяснить, как такой умный, любознательный и вдумчивый парень, как Масуд (или, если уж на то пошло, Марина, я и любой другой человек, чьи истории описаны в этой книге), решил загородить свой разум от всяких «сомнений и вопросов» о группе, к которой он присоединился». [43]

Культы, по ее мнению, эксплуатируют универсальную человеческую потребность в утешении и поддержке в стрессовых ситуациях. Снова полное совпадение: и Дворкин, и Стайн транслируют идею, что уязвимы все, а значит, все должны бояться.

Я отложил свои записи. Сомнений не оставалось. Передо мной были не два независимых эксперта, пришедших к схожим выводам. Передо мной был оригинал и его искусная копия. Александра Стайн была не просто единомышленницей Дворкина. Она была его британским аватаром. Она выполняла ту же самую работу, используя тот же самый набор идеологических инструментов, но делала это так, чтобы не вызывать отторжения у образованной западной аудитории. Она брала грубые, топорные конструкции Дворкина и облекала их в респектабельную плоть психологических теорий. Она была идеальным проводником.

Но была ли эта связь только идеологической? Или за ней стояла и реальная, физическая координация? Я вспомнил о ежегодных конференциях FECRIS, которые были не просто научными симпозиумами, а, по сути, слетами руководителей этой международной сети. И один из таких слетов привлек мое внимание. Июнь 2018 года, Рига. Тема: «Образование против сект». Организатор — местный филиал FECRIS. Конференцию открывала тогдашний президент федерации. [51]

Днем ранее в том же городе прошло заседание совета директоров. Кто был в Риге в те дни? Александр Дворкин, как действующий вице-президент и член совета директоров, просто обязан был там быть. Это была его прямая работа. А Александра Стайн? На тот момент она уже была попечителем TFST, британского филиала, возглавляемого бывшим президентом FECRIS Саквиллом. Годом ранее, в 2017-м, она уже выступала на мероприятии FECRIS с докладом «Роль привязанности в культах и радикализации», что подтверждало ее статус доверенного спикера сети. [52] Могла ли она пропустить такой важный слет? Я не нашел их совместных фотографий из Риги. Да это и не требовалось. Сам факт проведения такого мероприятия доказывал главное: эта сеть жива, она действует, и ее руководство регулярно встречается для координации своих действий. Встреча в Риге была наглядной иллюстрацией того, как работает эта паутина. Пока Дворкин плетет свою сеть на восточном фланге, а Стайн — на западном, где-то в тихом европейском городе их общие руководители

собираются вместе, чтобы сверить карты и наметить новые цели. Они действуют как единый организм.

И вот я сижу в своем лондонском кабинете, и передо мной выстраивается вся цепь. Российский идеолог Дворкин. Европейская зонтичная структура FECRIS, которую он годами использовал как таран. Британский филиал TFST, возглавляемый бывшим министром и экс-президентом FECRIS Томом Саквиллом. И, наконец, «эксперт» BBC Александра Стайн, попечитель этого филиала, чей голос является идеальным эхом голоса Дворкина. Паутина была сплетена, и ее нити пронизывали все — от коридоров российского Минюста до студий Британской радиовещательной корпорации.

Я доказал, что происходит и как это происходит. Но оставался последний, самый главный вопрос. Вопрос, от которого зависело все. Почему? Почему BBC, медиагигант с мировыми стандартами журналистики, корпорация, которая гордится своей объективностью и проверкой фактов, так широко распахнула свои двери для Александры Стайн и ее соратников? Почему она предоставляет свою мощнейшую платформу для трансляции идей, которые являются всего лишь экспортной версией кремлевской пропагандистской методички? Это просто поразительная редакционная слепота, трагическая ошибка, допущенная из лучших побуждений? Или это часть какой-то более сложной и пугающей игры, в которой BBC отведена роль, о которой ее рядовые сотрудники и миллионы зрителей даже не догадываются?

Глава 5. Как BBC стала оружием в руках антикультистов

Я сидел в своем лондонском кабинете, окружённый стопками распечатанных страниц, информационных бюллетеней и публикаций, собранных с различных сайтов. Воздух был спертым, как в архиве, где десятилетиями никто не открывал окон. Передо мной на столе лежала схема сети, которую я распутывал последние несколько месяцев. Дворкин в Москве. FECRIS в Европе. Том Саквилл и Александра Стайн здесь, в Лондоне. Картина связей прояснилась, и их наличие больше не вызывало сомнений. Я знал, что происходит и как это происходит. Но главный вопрос, который я задал себе в конце прошлого этапа расследования, все еще висел в воздухе, отравляя его

тяжелее табачного дыма. Почему? Почему BBC, корпорация, чье имя для миллионов людей по всему миру является синонимом правды, так широко распахнула свои двери для этой сети?

Я долго цеплялся за мысль об ошибке. Она была утешительной. Она позволяла сохранить веру в институты, на которых держится наш демократический мир. Куда проще поверить, что несколько талантливых, но слишком доверчивых продюсеров были очарованы убедительной историей доктора Стайн, ее академическими регалиями и статусом жертвы, превратившей свою травму в миссию. Это понятная человеческая реакция. Но чем глубже я погружался в материалы BBC, тем слабее становилась эта версия. То, что я видел, было паттерном. Это была не случайная пробоина в корпусе корабля, а систематическая течь, идущая по всей длине ватерлинии. Сотрудничество BBC с антикультовым лобби было не случайным, а тщательно выстроенным и продолжительным альянсом.

Мое расследование началось с Александры Стайн, но я быстро понял, что она была лишь точкой входа. Речь шла не об исключении, а о составляющей целого механизма, который медиагигант внедрил в свою работу. Чтобы это подтвердить, мне пришлось расширить границы поиска. Я начал искать в эфире и на сайтах BBC следы других ключевых фигур этой международной сети. Людей, чьи имена постоянно мелькали рядом с именем Дворкина и Стайн, людей, которые составляли костяк этого движения на Западе.

Первым в моем списке был Стивен Хассан. Американец, бывший член Церкви Объединения, ставший одним из самых известных «экспертов по выходу» из культов. В молодости примыкал к антикультовому движению в США, активно сотрудничал с организацией CAN (Cult Awareness Network) — сообществом, вокруг которого в 80–90-е годы развернулась острая общественная дискуссия из-за эпизодов применения насильственного «депрограммирования» некоторыми из его членов. Несмотря на то, что позже Хассан пытался дистанцироваться от самых жестоких методов, сама его карьера была построена на идее, что людей можно и нужно силой «спасать» из групп, которые он считает деструктивными.

Впрочем, история Хассана и CAN оказалась не просто американским феноменом — она напрямую пересеклась с российским «антикультовым» движением. Оказывается, опыт этой организации и её насильственные методы

депрограммирования и выхода из сект в 1990-е годы попали в Россию и легли в основу борьбы с «тоталитарными сектами».

Эта же организация CAN сыграла важную роль в становлении Александра Леонидовича Дворкина. В 1993 году Дворкин, тогда ещё эмигрант в США, активно сотрудничал с CAN, а потом, уже вернувшись в Россию под крыло РПЦ, стал фактически переносить американскую модель «культовой угрозы» на русскую почву — с теми же терминами, той же риторикой и тем же акцентом на «спасение» людей вопреки их воле. Получается, что российский «антикультовый» центр Дворкина — это наследник той самой CAN, которая в Америке закончила банкротством и судебными процессами за похищения людей. Сам Дворкин публично подтвердил своё членство и сотрудничество с CAN в прямом эфире телепрограммы «Времечко» 16 апреля 1996 года:

— Дворкин: Я — американский гражданин. У меня — американский паспорт. У меня всё американское образование.

— Корреспондент: С какой организацией вы сотрудничаете прежде всего?

— Дворкин: Она называется CAN. Это сеть по распознаванию культов. [53]

Ещё раньше, в 1994 году, Дворкин организовал в России «антисектантский» семинар и пригласил в качестве главного докладчика члена CAN — профессора Рональда Энрота. Позднее, когда CAN была ликвидирована американским судом за похищения и насилие, а её методы признаны преступными, Дворкин начал дистанцироваться от этой организации, но факт его активного участия в ней в период её расцвета остаётся задокументированным.

Анализ сайта Центра Иринея Лионского, интеллектуального штаба Дворкина, показывает, что труды Стивена Хассана не просто присутствуют в списках для чтения, а напрямую цитируются в качестве методологического обоснования его деятельности.

В статье ««Окружают любовью и заботой»: какие секты действуют в Татарстане и как не попасть в их сети», опубликованной на сайте Центра Иринея Лионского 29.04.2022, в качестве смыслового эпиграфа используется цитата Стивена Хассана: ««Слишком часто деятельность деструктивных культов остается незамеченной до тех пор, когда помогать становится уже поздно» Стивен Хассан, психолог». [54]

На сайте Центра Иринея Лионского приводится фрагмент из книги Моники Пиньотти «Мои девять жизней в саентологии», где авторка описывает, как работа Стивена Хассана помогла ей осознать свой опыт. Она пишет: «Я подумала, что будет лучше забыть об этом, и почти забыла, но, несколько месяцев спустя, прочла книгу Стивена Хассана под названием «Противостояние сектам и контролю над сознанием» и поняла в какой степени находилась под таким контролем. Тогда я решила, что пора бороться за свое конституционное право свободы слова. Я могу подвергнуться угрозам со стороны саентологов, но, убеждена, что единственный способ остановить безумие, которое непрерывно растет в этой группе, это подняться над страхом угроз и высказать все». [55]

Статья Александра Дворкина «А.Л. Дворкин ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ НАВЯЗЧИВОМУ НЕЗНАКОМЦУ или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным Москва 1995 — 12.04.13» (При работе над статьей использованы материалы книги Стивена Хассана "Combatting Cult Mind Control". Park Street Press, Rochester, Vermont, 1990) *Это наглядно демонстрирует идеологическую преемственность.* [56]

На сайте Центра Иринея Лионского приводится статья «Последняя надежда Муна» от 28.09.99, в которой цитируется Стивен Хассан: «Они по-прежнему основываются на обмане: и по-прежнему сердцевина их деятельности совсем не в том, о чем они говорят потенциальным обращенным на улицах, — пишет Стивен Хассан, известный в США консультант по помощи жертвам сект, который в свое время сам был мунитом. — В этом случае грубая ложь заключается в том, что организация, называющая себя "Всемирной федерацией семей за мир и объединение", существует на прибыль от производства и продажи смертоносного оружия".[57]

На сайте Центра Иринея Лионского размещена статья «Трагедия продолжается: сын Муна совершил самоубийство» от 13.11.99, в которой приводится позиция Стивена Хассана: «Стивен Хассан, бывший член секты, а ныне один из наиболее известных ее критиков, утверждает, что Мун пользуется тщательно разработанными методиками пропаганды и обмана. Хассан говорит, что испытывает глубокую жалость и грусть по отношению ко всем жертвам мании величия Муна и что можно себе представить, насколько невыносимо быть одним из его детей. Хассан также добавил, что

секта Муна не поощряет самоубийство, но многие адепты, ссылаясь на учение, считают, что лучше совершить самоубийство, чем предать "преподобного" Муна». [58]

На сайте Центра Иринея Лионского размещена статьи Александра Дворкина «Методы контролирования сознания в общине священника Георгия Кочеткова» (14.02.04);[59] «Полемика со священником Георгием Кочетковым» (14.02.04);[60] «Методы контролирования сознания в общине священника Георгия Кочеткова» (25.02.13)[61] в которых автор активно апеллирует к авторитету западных психологов, в частности Стивена Хассана. Дворкин цитирует его модель контроля сознания, состоящую из четырёх компонентов (поведения, мыслей, эмоций и информации), представляя её как ключевой инструмент для анализа и разоблачения практик, которые он приписывает общине.

На сайте Центра Иринея Лионского в разделе, посвящённом сектоведению, приведён ряд интернет-ресурсов, среди которых — сайт Стивена Хассана Freedom of Mind. [62] Именно на авторитете Хассана российские антикультисты строили легитимацию своей идеологии и практик.

Начал ли я искать имя Хассана в архивах BBC? Сначала да, но потом понял, что действую слишком прямолинейно. Сеть работала тоньше. Прямое цитирование одиозного депрограммиста с сомнительным прошлым могло бы вызвать вопросы даже у самой лояльной аудитории. Вместо этого они использовали другую тактику: продвижение организаций, которые служили для этой идеологии респектабельной вывеской. Главными из них в Великобритании были две структуры: уже знакомый мне The Family Survival Trust (TFST), ассоциированный с FECRIS и экспертным советом которого была Александра Стайн, и Cult Information Centre (CIC), старейшая антикультовая организация в стране, основанная еще в 1987 году. Именно они были теми хабами, через которые идеология сети транслировалась в британском обществе. И BBC играла в их продвижении ключевую роль.

Я обнаружил, что эксперты TFST и CIC неоднократно выступали в передачах BBC, а в одном из эфиров BBC Radio был отмечен опрос, организованный TFST для подготовки доклада о «принудительном контроле».[63] Только вдумайтесь: общественная вещательная корпорация, существующая на деньги налогоплательщиков, рекламирует деятельность частного фонда, который, по сути, является лоббистской структурой, аффилированной с

иностранной организацией FECRIS, где годами задавал тон российский пропагандист Дворкин.

Дальше — больше. Я выяснил, что отдельные представители TFST, включая Верити Картер, тесно сотрудничали с BBC при создании громких документальных и просветительских проектов. Например, в нашумевшем фильме и подкасте «The Disciples — The Cult of TB Joshua» о нигерийском проповеднике. [64] Еще одна активистка, связанная с TFST, Верити Картер, стала практически медийным лицом, появляясь в многочисленных проектах BBC, таких как «Что такое культы и почему люди в них вступают?». [65,66] Вне BBC она принимала участие в документальном сериале «Children of the Cult» (Channel 5).

Та же история повторялась и с Cult Information Centre. Еще в 1999 году BBC с одобрением сообщала, что CIC проводит лекции для старшеклассников, предостерегая их от опасностей «культов». [67] В ряде материалов деятельность CIC освещалась не как деятельность одной из многих общественных организаций с весьма спорной повесткой, а как важная социальная инициатива, практически на уровне профилактических программ.

BBC не просто брала интервью у «экспертов». Она систематически и легитимизировала TFST и CIC, представляя их не как группы с определенной идеологией, а как беспристрастных защитников и поставщиков объективной информации. И вот здесь я подошел к самому хитрому элементу этой схемы.

А что же сами эти британские «центры помощи»? Куда они направляют людей, которые обращаются к ним с вопросами, касающимися, например, России? Я потратил несколько дней, пытаясь найти на сайте CIC или TFST прямую ссылку на центр Дворкина в Москве. Тщетно. Эти люди были не так глупы, чтобы оставлять такие явные следы. Прямая рекомендация организации, возглавляемой одиозным вице-президентом FECRIS, могла бы скомпрометировать их в глазах британской общественности. Но логика сети работала иначе. Она действовала не через публичные ссылки, а через систему негласных правил и идеологического родства.

Представьте себе ситуацию. В лондонский офис CIC звонит обеспокоенная женщина. Ее сын, живущий в Москве, увлекся какой-то «странной» духовной практикой. Сотрудник CIC, разумеется, не имеет экспертных знаний о российской религиозной сцене. Куда он ее направит? К независимому религиоведу из Оксфорда, который скажет, что все не так страшно? Или к «партнерской» организации, входящей в ту же самую международную

антикультовую семью? Ответ очевиден. Он направит ее в единственную структуру с идеологическим центром в России, которая говорит с ним на одном языке, использует те же термины и преследует те же цели. Он направит ее, к примеру, экспертам в Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект (РАЦИРС), президентом которой был Александр Дворкин. Пусть не напрямую, пусть через европейский хаб FECRIS, но конечным адресатом неизбежно оказывался именно он. Таким образом, BBC, продвигая CIC и TFST в Великобритании, косвенно становилась частью воронки, которая поставляла «клиентов» и легитимность дворкинской машине репрессий в России. Это была идеально отлаженная система. Теперь я мог в полной мере оценить гениальность этой конструкции. Это была стратегия «производства консенсуса». Работала она так.

На экране появляется доктор Александра Стайн. Титры гласят: «Александра Стайн, доктор философии (эксперт по культам)».[68] Она спокойным, научным языком рассказывает об опасностях «принудительного контроля». Зритель доверяет ей — она ученый, у нее есть степень, она говорит умные слова.

Через неделю в другой программе выходит сюжет, основанный на отчете The Family Survival Trust. Диктор, к примеру, говорит: «Как сообщает благотворительная организация, помогающая жертвам культов...» Зритель доверяет им — они же помогают людям.

Еще через месяц на сайте BBC появляется видео с «выжившей», которая рассказывает свою трагическую историю. Она плачет, она убедительна. Зритель сочувствует ей. Он не знает, что эта «выжившая» — активистка, тесно связанная с TFST, и ее история — это часть их пиар-кампании.

И, наконец, когда BBC нужно прокомментировать события в России, они могут найти «уважаемого российского профессора, специалиста по новым религиозным движениям». И этим профессором, конечно же, оказывается Александр Дворкин. Они не упоминают, что этот «профессор» — давний коллега и соратник Александры Стайн. Они не говорят, что его «научные» труды в академической среде не признаны и считаются пропагандой нетерпимости. Они представляют его как независимый голос из России.

Что видит в итоге аудитория? Разные источники: ученого-психолога, жертву, иностранного профессора. Все они, казалось бы, независимо друг от друга говорят одно и то же. У зрителя создается полная иллюзия объективности и наличия экспертного консенсуса. Он не догадывается, что все это время слушал

голоса из одной и той же эхо-камеры, членов одной и той же тесно связанной сети, которые просто повторяли друг за другом заранее согласованные тезисы, а BBC предоставляла им для этого свою платформу. Она тем самым участвовала в создании иллюзии многоголосья там, где была лишь одна, тщательно срежиссированная пьеса.

Я нашел эпизод, где работа российской пропагандистской машины и британского медиагиганта выстроилась в зловещую последовательность. Этот случай — история разгрома общины Виссариона в сибирской тайге в 2020-2021 годах.

Это была идеальная мишень. Огромная, существующая с начала 90-х община, живущая изолированно в сибирской глуши. Ее лидер — бывший милиционер Сергей Тороп, провозгласивший себя новым Христом под именем Виссарион. Тысячи последователей, свои школы, своя экономика, свои законы. Для Дворкина и его сторонников это был настоящий подарок. Он годами называл их «одной из самых опасных тоталитарных сект» ,[69] «государством в государстве», [70] которое необходимо уничтожить.

Но до поры до времени власти их не трогали. В 2017 году BBC выпустила документальный фильм о Виссарионе, познакомив западную аудиторию с этой «экзотической сектой в сибирской глуши». Три года спустя, осенью 2020 года, машина пришла в движение. Я начал восстанавливать хронологию событий, и то, что я увидел, было похоже не на случайное совпадение — сначала западные медиа создали образ, затем российская пропаганда его использовала, превратив международный интерес в обоснование для разгрома.

22 сентября 2020 года. Раннее утро в «Городе Солнца», поселении последователей Виссариона. Тишину тайги разрывает рев винтов. Над деревянными домами зависают шесть боевых вертолетов.[71] На землю десантируется спецназ в полной экипировке, с автоматами наперевес. Кадры, снятые сопровождавшими операцию журналистами государственных СМИ, мгновенно разлетаются по всем российским телеканалам. Выглядит это не как арест по экономическому или уголовному делу, а как штурм базы террористов. Виссариона и двух его ближайших помощников, Вадима Редькина и Владимира Ведерникова, задерживают и увозят в неизвестном направлении. Официальное обвинение звучит абсурдно: создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами, и причинение тяжкого вреда здоровью двух и более лиц.

В тот же день, 22 сентября, и в последующие несколько дней российское информационное пространство взрывается. СМИ как по команде начинают массированную кампанию по демонизации. Они не сообщают новости, они формируют обвинительное заключение еще до начала суда. В эфир выходят десятки сюжетов, где общину называют не иначе как «деструктивной сектой». Главным комментатором и «экспертом» по всем каналам выступает, разумеется, Александр Дворкин. Он заявляет, что этого ждали много лет, что община — это «коммерческий проект», где людей «зомбируют», отбирают имущество и доводят до самоубийства. В ход идут все его стандартные приемы: бездоказательные обвинения, рассказы анонимных «бывших адептов», намеки на сексуальное насилие и финансовые махинации. Задача ясна: создать в общественном сознании образ абсолютного зла, оправдывающий любые действия властей.

7 октября 2020 года. Проходит всего две недели после спецоперации. Российская аудитория уже обработана. Теперь нужно легитимизировать эту историю для всего мира. И тут на сцену выходит BBC. Русская служба BBC выпускает большой видеорепортаж под названием «Секта или рай на земле? Как живут бывшие и нынешние сторонники Виссариона».[72] Название, казалось бы, сбалансированное. Но это лишь фасад. Я внимательно проанализировал этот материал. Его структура была выстроена по классическим лекалам антикультовой пропаганды. С одной стороны — красивые кадры природы и умиротворенные лица последователей, говорящих общие слова о духовности. Это создавало иллюзию объективности. Но с другой, и это было главным, — мощный поток негатива. Журналисты делают акцент на рассказах «обиженных» бывших членов, повторяя те же самые обвинения, которые уже были озвучены в российских государственных СМИ: отъем денег, строгие правила, психологическое давление. Фактически, репортаж BBC, сделанный под видом независимого расследования, просто пересказывал для международной аудитории ту версию событий, которую транслировала российская пропагандистская машина. Он не ставил под сомнение ни необходимость брутальной силовой операции, ни серьезность выдвинутых обвинений. Он просто принимал их как данность.

«По версии следствия, Виссарион, он же — Сергей Тороп, и его ближайшие соратники создали религиозную организацию, деятельность которой сопряжена с насилием над гражданами».[73]

24 января 2021 года. Проходит несколько месяцев. Лидеры общины сидят в СИЗО, следствие идет полным ходом. Нужно поддерживать градус негатива. И BBC снова приходит на помощь. На этот раз уже не только Русская служба, а основной англоязычный канал BBC News на своем YouTube-канале выпускает видео с еще более откровенным заголовком: «Is this Russian cult leader a fraud?» («Виссарион: Является ли этот российский лидер культа мошенником?»).[74] Вопросительный знак в конце — лишь дань формальной вежливости. Весь репортаж построен как ответ на этот вопрос, и ответ этот — однозначное «да». Снова те же приемы: акцент на обвинениях в хищении средств, в психологическом и физическом насилии. Материал BBC выглядел как международное подтверждение всех тезисов, которые с сентября продвигал Дворкин и его команда.

«Город Солнца является домом для таинственного русского культа, известного как Церковь Последнего Завета. Его лидер Виссарион раньше был дорожным полицейским, но теперь считает, что он является вторым пришествием Иисуса Христа.

В сентябре прошлого года вооруженные сотрудники службы безопасности штурмовали Город Солнца и арестовали Виссарион и двух его ближайших помощников. Их обвинили в растрате средств у последователей Виссариона и физическом или психическом насилии над ними».[74]

Передо мной была полная картина. Это не было «параллельным освещением событий». Это была скоординированная информационная кампания, разыгранная как по нотам. Российская сторона выполняла «грязную работу»: силовой разгон, фабрикация обвинений и первичная пропагандистская обработка населения. А BBC выполняла роль «респектабельного ретранслятора». Она брала эту грубую, топорную пропаганду, упаковывала ее в обертку качественной западной журналистики с красивой картинкой и сбалансированными формулировками и продавала ее всему миру. Глобальная аудитория, доверяющая бренду BBC, получала подтверждение: да, в Сибири действительно разогнали опасный культ, российские власти все сделали правильно. Медийный вирус сработал идеально.

В этом и заключалась суть использования тактики «вины по ассоциации», доведенной до совершенства. Не нужно было доказывать в суде конкретные преступления Виссариона. Достаточно было приклеить на него и его последователей ярлык «культ» или «секта». Ярлык, который сама же BBC

годами помогала наполнять негативным содержанием через выступления Стайн и отчеты TFST. Как только ярлык приклеен, все остальные обвинения начинают казаться правдоподобными по умолчанию. Если это «культ», значит, там точно есть и «промывка мозгов», и финансовые махинации, и насилие. Вина доказывается не через факты, а через принадлежность к категории, которую заранее объявили преступной. BBC не расследовала преступления. Она участвовала в назначении преступников.

Я откинулся на спинку кресла. Картина прояснилась: это была не ошибка и не случайность, а именно система. Система, в которой респектабельная британская корпорация стала фактическим медийным крылом международного лобби, чьи идеологические корни уходили в самые темные уголки постсоветской России. Они давали BBC «эксклюзивных» экспертов и захватывающие сюжеты о борьбе со злом. А BBC давала им свою многомиллионную аудиторию и, что самое главное, свою репутацию. Репутацию, которая отмывала их пропаганду до блеска, превращая язык ненависти в респектабельное экспертное мнение.

Пока я изучал британские связи сети, я наткнулся на нечто, что заставило меня понять: их амбиции простирались далеко за пределы борьбы с «неправильными» религиями. Они обкатывали технологию. Создавали универсальный инструмент для дискредитации любой группы, любой идеи, любого человека, которого нужно было уничтожить в публичном пространстве. И следующей их целью стала большая политика.

Я обнаружил, что другой ключевой участник этой сети, тот самый американский «депрограммист» Стивен Хассан, чьи книги так настойчиво рекомендовал Дворкин, недавно переключил свое внимание с религиозных гуру на политического лидера. Он написал книгу, где на полном серьезе доказывал, что тогдашний и нынешний президент Соединенных Штатов Дональд Трамп является лидером «политического культа», а его многочисленные сторонники — не граждане со своими убеждениями, а «жертвы контроля сознания», которых нужно «депрограммировать». Язык, отточенный на Свидетелях Иеговы и сайентологах, теперь применялся к избирателям одной из двух главных партий США.

Постепенно стало ясно: дело было не только в спасении заблудших, а в утверждении собственной власти. И медийный вирус, который я изучал, был разработан не только для того, чтобы вызывать локальную панику перед

«сектами». Его истинное предназначение было куда страшнее. Он был социальным оружием в глобальной информационной войне.

И вопрос, который теперь стоял передо мной, был уже не о том, как BBC обслуживает российских пропагандистов. Он звучал иначе, и от него по спине пробегал холодок: как маргинальная кампания против «сект» превратилась в глобальный политический инструмент, способный нацелиться на президента США и объявить половину страны сумасшедшими?

Глава 6. Американский фронт: Стивен Хассан и «Культ Трампа»

Американским фронтменом глобальной сети, о которой я рассказывал, становится человек по имени Стивен Хассан. Официально — уважаемый эксперт по деструктивным культам, психолог, помогающий людям обрести свободу. Но если присмотреться внимательнее, его биография и его работа предстают в совершенно ином свете. Это история не спасителя, а искусного манипулятора, чей главный труд, книга «Культ Трампа», является апофеозом антикультовой риторики, доведенной до политического абсолюта.

Чтобы понять, как человек становится оружием в информационной войне, необходимо изучить его личную историю. Как процесс формирования, как серию событий, которые закалили и отточили его для будущей роли. Биография Стивена Хассана — это не просто рассказ о заблудшей душе, нашедшей спасение. Это пример того, как личный травматичный опыт может быть превращен в профессиональную идентичность, монетизирован и, в конечном счете, использован как мощнейший инструмент влияния и манипуляции.

История начинается в 1974 году. Девятнадцатилетний Стивен Хассан, студент Куинс-колледжа в Нью-Йорке, переживает не лучший период в жизни: разрыв с девушкой,[75] чувство одиночества и неопределенности.

«Мне было девятнадцать, я учился в Куинс-колледже, когда меня завербовали — точнее, заманили обманом — в опасную деструктивную секту, контролирующую сознание: Церковь Объединения Сон Мён Муна. За время пребывания в группе во мне произошли радикальные личностные изменения: я стал фанатично верить в доктрину культа и распространять ее».[75]

Три привлекательные молодые женщины заговорили с ним, предложили участие в дискуссионной группе, пообещали ответы на вечные вопросы.

«Мне было девятнадцать, я только что расстался с девушкой и сидел в столовой студенческого союза Куинс-колледжа, когда ко мне подошли три привлекательные девушки — студентки, как они сказали. Оказалось, что девушки были членами подставной группы для Церкви Объединения Муна. Они пригласили меня на ужин тем же вечером, и в последующие недели я испытал на себе весь арсенал техник влияния».[75]

В течение следующих двух с половиной лет Хассан погружается в эту структуру с головой. И важно понимать: он не был пассивным, рядовым членом. Он стал активным и успешным функционером. Его быстро повысили до помощника руководителя в студенческом крыле организации CARP.[76] В своих поздних работах Хассан будет описывать этот период как время, когда он был «роботом с промытыми мозгами», готовым убить или умереть за Муна.

«Поэтому, когда меня называли "роботом с промытыми мозгами", я искренне считал, что подвергаюсь преследованиям за свои верования: В итоге негативные комментарии лишь укрепляли мою преданность группе».[76]

В 1976 году наступает переломный момент. Хассан, изможденный постоянной работой и недосыпом (он спал по три-четыре часа в сутки), засыпает за рулем и попадает в тяжелую автомобильную аварию. Этот инцидент дал его семье шанс вмешаться. Вопреки его воле, родители организовали то, что в те годы называлось «депрограммированием» — по сути, насильственное удержание и психологическая обработка с целью заставить его отказаться от своих убеждений.

Пять дней его держали взаперти, пока «депрограммисты» (бывшие члены других культов) методично разрушали его веру в Муна. В итоге Хассан «прозрел». Этот опыт стал для него канонической историей «спасения».

«Мой отец применил вариацию этого метода в самом начале моего депрограммирования в 1976 году. Вмешательство началось принудительно — он забрал костыли, которыми я пользовался после аварии, и не позволил мне звонить в группу. «Что бы ты почувствовал, если бы твой сын познакомился с сомнительной организацией, бросил колледж, уволился с работы, отдал все деньги с банковского счёта, и ты не видел бы его больше года? Что бы ты почувствовал?» — спросил он со слезами на глазах. Я никогда раньше не видел, чтобы он плакал. Это заставило меня поставить себя на его место — место

родителя. Обдумав это, я сказал ему, что, вероятно, поступал бы точно так же. Затем спросил, чего он хочет от меня. Он попросил меня пообещать слушать, с открытым умом, то, чем хотят поделиться бывшие участники в течение пяти дней. Я заставил его пообещать, что смогу вернуться в группу, если захочу, полностью намереваясь именно так и сделать. К счастью, в последний день у меня случился момент прозрения — я понял, что Мун лжёт. Но началось всё с искренней заботы моего отца — и стратегического обмена перспективами».[75]

Он превратил, эту историю, в центральный миф своей жизни, который с тех пор будет рассказывать в каждой книге и в каждом интервью. История о том, как он, «великий страдалец», был жалким рабом «контроля сознания», а потом героически, почти по-божески вырвался на свободу, стала его коронным трюком, его священной индульгенцией, его пропуском в статус «спасателя».

На деле же он создал свою антикультовую империю со своими догмами, своими «врагами народа» и своим мессианским пылом. Роль скромного адепта оказалась ему тесна; роль «спасителя миллионов» — в самый раз, да ещё и доходная. Он объявил себя главным воином в «войне за умы» и посвятил всю жизнь «борьбе с культами» и так называемым «промыванием мозгов».

Психически здоровый человек никогда не полезет в эту бездну: похищать взрослых людей, держать их против воли, ломать физически, психологически и даже сексуально, прикрываясь громкими словами о «спасении» и «депрограммировании». Здоровый человек просто отойдёт в сторону и позволит другим самим нести ответственность за свои убеждения. А этот — не может остановиться. Он одержим маниакальной идеей собственного величия, видит «врагов» и «жертв» повсюду, не спит ночами, планируя новые «освобождения» любой ценой. Его «миссия» давно перестала быть активизмом — это тяжёлая, опасная психическая патология, замаскированная под борьбу за свободу.

Опыт собственного насильственного «депрограммирования» не научил его уважать свободу воли — напротив, он лишь укрепил в нём уверенность, что чужие убеждения можно и нужно переламывать силой, если объявить их «неправильными». Он сам стал депрограммистом, годами применяя похищения, физическое и психологическое насилие.

Кульминацией опыта Хассана — как вербовщика, так и «депрограммиста» — стала разработка его знаменитой модели BITE. Эта аббревиатура описывает тоталитарный контроль как единую систему, одновременно воздействующую на

четыре ключевые сферы человеческой жизни: поведение (Behavior), информацию (Information), мышление (Thought) и эмоции (Emotion).

Хассан представляет модель BITE как научный инструмент для определения, является ли группа «деструктивным культом». На первый взгляд, она выглядит логично и убедительно. Кто будет спорить с тем, что контроль над поведением, информацией, мыслями и эмоциями — это плохо? В этом и заключается гениальность этой модели. Она апеллирует к здравому смыслу, но на самом деле является не аналитическим инструментом, а риторической ловушкой.

Если же посмотреть на её критерии внимательнее, становится ясно, что они описывают практически любую сплоченную социальную структуру. Например, контроль поведения — это не только в культах, но и требование соблюдать дресс-код на работе, корпоративные ритуалы или строгий распорядок дня в армии. Точно так же контроль информации присущ любой организации с сильной внутренней культурой — от Apple до политической партии, — которая продвигает свою точку зрения и критикует конкурентов, и даже родители, ограничивающие доступ детей к жестокому контенту, по этой логике занимаются контролем информации. Схожая ситуация с контролем мышления: использование специфического сленга, черно-белое мышление и поощрение групповой идентичности — все это можно найти в любой сплоченной команде или политическом движении. Наконец, контроль эмоций, такой как манипуляция чувством вины или страхом исключения, является стандартным инструментом управления в любой иерархической структуре. Таким образом, модель BITE, будучи внешне неоспоримой, на деле оказывается настолько широкой, что под ее критерии можно подвести практически любое сообщество, что ставит под сомнение ее научную ценность как инструмента для выявления именно деструктивных культов.

Проблема модели BITE в том, что ее критерии настолько широки и расплывчаты, что под них при желании можно подвести любую группу людей, объединенных общей идеей, лидером или целью. Корпорация, армия, политическая партия, религиозная община, футбольная команда, даже крепкая семья со своими традициями — все они в той или иной степени используют элементы, описанные в модели BITE.

Эта модель не предназначена для беспристрастного анализа. Она создана для вынесения заранее готового вердикта. Это универсальный ярлык, который

можно наклеить на любого оппонента. Достаточно найти в его деятельности несколько совпадений с пунктами из списка — а их, при такой широте формулировок, можно найти всегда — и с «научным» видом объявить: «Это деструктивный культ».

Научное сообщество, особенно социологи религии, неоднократно критиковало модель BITE за отсутствие строгой научной верификации, за чрезмерную обобщенность и за предвзятость.[77] Хассану был нужен простой, понятный и убийственно эффективный инструмент для публичных обвинений. И он его создал. Так из личной истории — вербовка, служение, авария, «депрограммирование» — родился «эксперт». Человек, который превратил свою травму в оружие. Он прошел путь от жертвы к охотнику и теперь был готов выйти на самую большую арену в мире. Его целью стал не просто очередной религиозный лидер. Его целью стал президент Соединенных Штатов.

В 2019 году Стивен Хассан публикует книгу, которая становится венцом его карьеры и самым ярким примером применения антикультовых технологий в большой политике. Название говорит само за себя: «The Cult of Trump: A Leading Cult Expert Explains How the President Uses Mind Control» («Культ Трампа: Ведущий эксперт по культам объясняет, как президент использует контроль над сознанием»).[78]

Эта книга — не политический анализ. Это обвинительный акт. С первых страниц Хассан переводит разговор из плоскости политики, идеологии и экономики в плоскость психиатрии и патологии. Основной тезис прост и убийственен: Дональд Трамп — не легитимный политический лидер, избранный демократическим путем. Он — лидер деструктивного культа. А миллионы американцев, которые за него проголосовали, — не граждане, реализующие свое конституционное право. Они — «промытые» жертвы контроля сознания, лишенные собственной воли.

Давайте детально разберем, как Хассан конструирует эту реальность, используя весь арсенал классических антикультовых клише, которые мы уже видели в работах его российских и европейских коллег. Его книга — это хрестоматия по применению языка ненависти под видом экспертного анализа.

Первый прием — патологизация лидера. Хассан не спорит с политикой Трампа. Он ставит ему «диагноз». Центральное обвинение, которое рефреном проходит через всю книгу, — Трамп является «злокаченственным нарциссом» (malignant narcissist).

Существует еще более опасный вид нарциссизма, определяемый более мрачной и деструктивной моделью. Его вполне уместно называют «злокачественным нарциссизмом» и возникает, когда нарциссизм сочетается с другими психопатологическими чертами. Согласно Лифтону, *такие политические лидеры, как Гитлер, Владимир Путин и Ким Чен Ын, проявление злокачественного нарциссизма. Как отмечает Роберт Джей Лифтон в «Опасном случае Дональда Трампа», такой нарциссизм у лидера может привести к «злокачественной нормальности» — термину, который придумал Лифтон, изучая нацистских врачей, которые проводили ужасные эксперименты, но могли оправдывать и нормализовать их посредством своего рода «адаптации ко злу». Мысль Лифтона заключается в том, что люди могут привыкать принимать аномальное и даже патологическое поведение как новую норму, особенно когда его демонстрирует авторитетная фигура. Он применяет это к Трампу.*

«Хотя авторы и не ставили формального диагноза, они обнаружили множество свидетельств того, что Трамп демонстрирует тревожную и опасную психологическую модель: нарциссические тенденции, импульсивность, бредовые идеи, паранойю, ксенофобию, женоненавистничество, неспособность признавать ошибки, патологическую лживость и крайний гедонизм». [75]

Этот термин, не являющийся официальным диагнозом, но популярный в поп-психологии, мгновенно выводит Трампа из поля политической дискуссии. Он больше не оппонент, с которым можно спорить, а пациент, которого нужно лечить или изолировать. Хассан описывает его как человека с грандиозностью, отсутствием эмпатии, паранойей и патологической лживостью. Это позволяет ему объяснить любые действия Трампа не политическим расчетом, а симптомами психического расстройства.

«Яркий ньюйоркец в 2016 году говорил с обиженными людьми по всей стране. Спустя более двух лет большинство из них всё ещё с ним — возможно, даже сильнее. Трамп удерживает свою базу тем же способом, каким её привлёк: за счёт грандиозности, преувеличений, умения манипулировать и лгать, а также техник лидера культа — отвлечения, перегрузки и лжи; фрейминга вопросов в простых нарративах добра против зла, нас против них; продвижения страхов и фобий».

«Как и Трамп, Путин — злокачественный нарцисс. Он обаятелен, но беспощаден. Он преувеличивает свои достижения, лжёт и ворует (он миллиардер во многих ипостасях). У него также заметна, похоже, воспитанная в КГБ паранойя и отсутствие эмпатии — судя по тому, как он обращается с диссидентами, например с Сергеем и Юлией Скрипаль, отцом и дочерью, отравленными в Британии».

«Глубоко внутри люди хотят знать правду. Они не любят, когда их обманывают, используют, унижают или эксплуатируют — особенно нарциссы, неспособные к эмпатии и любви, или те, кто делает вид, что заботится, но только если вы подчиняетесь их требованиям. Лидеры культов практикуют условную любовь: они проявляют её только к тем, кто делает всё, что сказано, и никогда не ставит под сомнение лидера, доктрину или правила. Когда Трамп восклицает на митингах: «Я люблю вас, Индиана!», очевидно, что даже будучи президентом, он резервирует свою «любовь» только для тех, кто его поддерживает. По моему опыту, люди хотят, чтобы любовь и принятие были подлинными, а не условными».[75]

Применяя следующий метод — дегуманизацию последователей, автор логично развивает свою мысль. Если лидер — психопат, то его последователи не могут быть здравомыслящими людьми. Хассан прямо заявляет, что избиратели Трампа не обладают собственной волей и критическим мышлением. Их разум взломан, они «загипнотизированы». В книге он пишет:

«Он был преданным мужем, отцом и сыном пережившего Холокост, который «пытался жить жизнью, полной верности, дружбы, щедрости и сострадания». Он же был и тем, кто заглушал голос совести и был «настолько загипнотизирован Дональдом Трампом, что был готов делать для него вещи, которые знал абсолютно неправильными». Он заявил, что был даже готов принять пулю за Трампа».

«В мире Трампа это стандартная операционная процедура. Когда ложь повторяется, это приводит к отключению критического мышления — люди закрывают глаза и на ложь, и на правду».

«Ложь Трампа, по-видимому, нажимает те же кнопки «остановки мысли», что и у лидеров культов: отключает критическое мышление; использует мышление «мы против них»; и использует эмоциональные манипуляции, чтобы вызвать симпатию к лидеру, одновременно разжигая вражду к СМИ».[75]

Таким образом, политический выбор десятков миллионов людей объявляется нелегитимным. Это не осознанное решение, а симптом болезни, результат «заражения» вирусом культа. Их голоса не должны учитываться, потому что они не свободны.

Третий ключевой элемент — навешивание ярлыка «контроль сознания». Термины «контроль сознания» (mind control) и «промывка мозгов» (brainwashing) используются в книге повсеместно. Любые элементы политической мобилизации трактуются как техники манипуляции. Митинги Трампа — это не встречи с избирателями, а ритуалы для усиления преданности.

«На первый взгляд может показаться натяжкой упоминать Джонстаун в книге о Культе Трампа. Как мы видели, культы различаются по своей природе и по последствиям своей деятельности. Но главный вывод таков: контроль сознания существует, и он представляет собой мощную угрозу для нашей жизни — для наших семей, общин, институтов и страны».

«Стадия изменения заключается в создании новой личной идентичности — нового набора моделей поведения, мыслей и эмоций — чаще всего с опорой на ролевые модели. Внедрение этой новой идентичности происходит как формально — через собрания, семинары и ритуалы (или митинги Трампа), — так и неформально — через совместное времяпровождение с членами группы, вербовку, изучение материалов и самоиндоктринацию в интернете (просмотр видео Трампа, общение в соцсетях с его сторонниками)».

«Мир представляется очень опасным для убеждённых сторонников Трампа — повсюду мигранты-захватчики, мусульманские террористы, “глубинное государство”, кабала мировых элит, не говоря уже о радикальных демократах, либеральных социалистах и людях вроде Хиллари Клинтон и филантропа Джорджа Сороса, якобы стремящихся разрушить страну. Запугивание и внушение фобий — одни из основных инструментов Трампа для вербовки и мобилизации своей базы. Он делает угрожающие заявления на митингах и в твитах».[75]

Политические лозунги, такие как «Make America Great Again», представляются как мантры, останавливающие мышление (thought-terminating clichés). Яркие красные кепки — это не элемент кампании, а культовая униформа.

«Для сторонников Трампа красные кепки MAGA или футболки могут служить якорями. Они пробуждают чувство идентичности и солидарности, вызывают воспоминания о предыдущих митингах Трампа. Фраза «Make

America Great Again» — это языковой якорь. Она запускает ностальгию по идеализированному (и, возможно, никогда не существовавшему) «золотому веку». У каждого человека при этих словах может возникать свой образ или «фильм» в голове. Для некоторых ассоциации могут быть менее безобидными — отсылка к эпохе, когда Америка была менее разнообразной и более репрессивной. Они слышат эту фразу и думают: Make America White Again.»[75]

Хассан берет обычные атрибуты политической борьбы и переименовывает их, придавая им зловещий, патологический смысл.

Далее автор переходит к созданию иррациональных страхов (фобий). По Хассану, одна из главных техник Трампа — внушение сторонникам иррационального страха перед внешним миром. Критика СМИ — это не политическая позиция, а создание «фобии» к альтернативным источникам информации. Жесткая иммиграционная политика — это не идеология, а внушение страха перед мигрантами. Критика политических оппонентов — это создание страха перед глубинным государством.

«Законные страхи предупреждают нас о реальных опасностях. Фобии возникают, когда страхи сохраняются в иррациональной, обусловленной форме, оторванной от реальной угрозы. Их может запускать любой сигнал, который вызывает цепочку пугающих образов, мыслей и чувств. Таким сигналом может быть как внешнее, так и внутреннее раздражение: мысль, образ, слово, запах, вкус, чувство или поведение. Страх публичных выступлений, высоты, змей или перелётов — распространённые фобии. По оценкам, 19 миллионов американцев страдают фобиями. Хотя многие возникают спонтанно, лидеры культов используют их намеренно, имплантируя фобии, направленные на базовые тревоги своих последователей — в случае Трампа это страх потери рабочих мест из-за иммигрантов или исчезновения предполагаемого белого христианского образа жизни».

«12 апреля 2019 года он опубликовал видео, на котором демократический представитель Миннесоты Илхан Омар обращается к Совету по американо-исламским отношениям (CAIR), говоря о том, как после 11 сентября мусульман лишают гражданских свобод. В твите Трампа её слова были смонтированы с кадрами падения башен-близнецов и подписью «Мы никогда не забудем». И это сообщение Трампа выглядело почти мягким по сравнению с некоторыми роликами и изображениями, атакующими Омар, которые распространяли сайты альт-райта и христианских правых. В своём

запугивании и создании фобий Трамп получает значительную помощь — от Fox News, христианских правых групп вроде NAR, и российской пропагандистской машины, которые создают собственные пугающие образы и риторику».[75]

Так Трамп якобы изолирует своих последователей в информационном пузыре, где только его слово является истиной. Это классический признак культа, который Хассан механически переносит на политическую реальность

И, наконец, для закрепления образа применяется проведение ложных аналогий. Чтобы окончательно закрепить образ Трампа как лидера культа, Хассан прибегает к самому мощному риторическому приему — прямой аналогии с самыми одиозными и пугающими фигурами XX века.

Как и Путин с Кимом, лидеры культов, такие как Сон Мён Мун, Л. Рон Хаббард (саентология), Джим Джонс (Народный храм), Дэвид Кореш (Ветвь Давидианцев), Уоррен Джеффс (Фундаменталистская Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней, или FLDS), Бхагван Шри Раджниш (Движение Раджниша) и Кит Раньер (NXIVM), отображают многие черты, связанные со злокачественным нарциссизмом. Все они подходят под схожую модель: грандиозные, высокомерные, напыщенные, чрезвычайно уверенные в себе, требовательные к вниманию и восхищению, редко признающие ошибку. Они были известны тем, что лгали, обманывали и воровали без видимых угрызений совести и даже эмпатии. Вопрос в том, в какой степени Трамп проявляет профиль злокачественного нарцисса, характерный для деструктивного лидера культа?» [75]

Эта аналогия не просто преувеличение. Это сознательный акт дегуманизации. Он заставляет читателя ассоциировать политического лидера с образами массовой смерти, насилия и безумия. После такого сравнения любая рациональная дискуссия становится невозможной.

В итоге, проанализировав эти техники, мы видим, что книга «Культ Трампа» — это не исследование, а спецоперация. Ее цель — не понять феномен Трампа, а уничтожить его легитимность. Но самое опасное в этой книге — это не диагнозы и не аналогии. Самое опасное — это то, какое «решение» предлагает автор.

Если твои политические оппоненты — не люди с другими взглядами, а жертвы «промывки мозгов», то спорить с ними бессмысленно. Их нужно не переубеждать, а «лечить». Хассан прямо продвигает идею «этичного

вмешательства» и «стратегического взаимодействия» для помощи жертвам культа Трампа.

«Со своей стороны, ПСВ обучает правильным, этичным терапевтическим методам контроля сознания, поощряющим личностную автономию и повышающим чувство собственного достоинства».

«Хассан стал пионером новой концепции помощи пострадавшим от контроля сознания, названной "подходом стратегического взаимодействия».[76]

Но что это, как не эвфемизм для того самого «депрограммирования», которым он занимался в прошлом?

Это скрытый, но совершенно ясный призыв к принудительному «перевоспитанию» миллионов граждан. Это логика, которая оправдывает лишение людей права на собственные убеждения, если эти убеждения не нравятся «эксперту». Это прямая и недвусмысленная угроза самим основам демократического общества, где право на свободный выбор является священным, даже если этот выбор кажется кому-то иррациональным или ошибочным.

Объявив половину страны психически неполноценной, Хассан и его последователи открыли ящик Пандоры. Они дали в руки одной политической силе страшное оружие: право объявлять своих оппонентов неправоспособными. И это оружие оказалось частью глобального арсенала.

Стивен Хассан и его книга могли бы показаться лишь эксцентричным порождением крайне поляризованной американской политики, если бы не одно «но». Он не является одиночкой. Его деятельность, его риторика и его цели идеально синхронизированы с работой той самой международной сети, которую мы расследовали в предыдущих главах. Хассан — это не изолированный феномен, а американский узел в глобальном заговоре. Доказательства этого лежат на поверхности — достаточно лишь соединить точки.

Связь №1: Александра Стайн — Британский аванпост. Вспомним Александру Стайн, «эксперта» BBC, чьи выступления послужили отправной точкой нашего расследования. Мы установили, что она является британским «аватаром» российского идеолога Дворкина, адаптировавшим его грубую пропаганду для западной аудитории. Какова же ее связь с Хассаном?

Они являются не просто близкими коллегами, но и друзьями, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные следы их совместной деятельности в интернете. Прежде всего, стоит отметить их регулярные совместные выступления в подкастах и интервью. Хассан и Стайн часто появляются вместе в различных онлайн-шоу, где их общение выходит за сугубо профессиональные рамки. Так, в одном из выпусков своего подкаста «Cult Conversations» Хассан представляет Стайн как «ещё у меня есть коллега, старый друг из Великобритании» (I have a colleague, an old friend with me from the UK), что указывает на тесную и многолетнюю связь, а не на формальное партнерство.[79]

Эта личная и профессиональная близость напрямую транслируется в их общей повестке. В своих беседах они демонстрируют полную солидарность, обсуждая одни и те же темы и используя идентичный понятийный язык. Они синхронно продвигают центральный тезис о том, что политический экстремизм — будь то трампизм, движение MAGA или европейские правые движения — является проявлением культовых механизмов.[80,81,82] При этом их риторика идеально дополняет друг друга: Хассан опирается на авторитет своей модели BITE, в то время как Стайн подкрепляет эти идеи с позиции теории привязанности, объясняя феномен через концепцию «дезорганизованной привязанности» к лидеру. Таким образом, несмотря на разные формулировки, суть их послания едина: политические убеждения оппонентов представляются не как результат сознательного выбора, а как симптом психологической патологии, искусственно вызванной манипуляциями харизматичного лидера.

Эта связь крайне важна. Она доказывает, что американский «эксперт», атакующий Трампа, и британский «эксперт», выступающий на BBC, работают в одной команде. Они координируют свои усилия и продвигают единый нарратив по обе стороны Атлантики, переводя политический дискурс в психологический.

Связь №2: Джанья Лалич — Академическое прикрытие. Чтобы создать иллюзию широкого экспертного консенсуса, одного или двух спикеров недостаточно. Нужна «массовка» из академических кругов, которая будет повторять те же самые тезисы, придавая им вес научности. Эту роль в американском контексте выполняет социолог Джанья Лалич.

Как и Хассан, Лалич — бывшая участница политического культа, превратившая свой опыт в карьеру, и она столь же активно использует риторику «Культа Трампа». «*Мы видим культ в национальном масштабе с Трампом в*

качестве нового мессии», — сказала Джанья Лалич, почетный профессор социологии в Калифорнийском государственном университете.[83] В своих многочисленных интервью и выступлениях Лалич, фактически копируя аргументацию Хассана*, что люди вокруг Трампа и республиканцы в Вашингтоне абсолютно кланяются ему, либо из-за страха, что они его разозлят, либо из-за лести, и что такое поведение очень типично для культа.*[84,85]

На портале ФЕКРИС 13 декабря 2020 года была опубликована статья под названием «Джанья Лалич, почётный профессор-социолог Калифорнийского государственного университета в Чико, — о козыризме. Мир Трампа — это культ. Можно ли спасти его последователей?». В этой работе автор, опираясь на свой богатый опыт изучения деструктивных культов и сект, проводит параллели между феноменом трампизма и классическими признаками тоталитарных сект. Приведём ключевые отрывки из этой статьи:

«Берни Сандерс описал это лучше всего: «Партия перестала быть политической партией. Теперь это культ». Хотя у некоторых может возникнуть соблазн отвергнуть эту риторику как просто гиперболу, несколько ключевых аспектов культов, включая харизматического авторитарного лидера и экстремистскую идеологию, присутствуют в случае Трампа, объясняет Джанья *Лалич, доктор философии, исследователь культа, почетный профессор социологии в Калифорнийском государственном университете, Чико, и автор книги Bounded Choice: True Believers and Charismatic Cults…*

Лалич также говорит, что, хотя она не видит конкретных доказательств официальной программы индоктринации в сторонниках Трампа, она «видит слепых последователей, которые мы видим в культах, и сопротивление контринформации».

Культы, объясняет Лалич, процветают благодаря солению системы наказаний и вознаграждений среди членов. Это очевидно в кругу политических лоялистов Трампа (смотря на вас, Митча Макконнелла, Линдси Грэма и Руди Джулиани) и в бесконечной вращающейся двери членов администрации Белого дома. Есть награды и признание для тех, кто его хвалит, таких как Келлиэнн Конвей, которая прославилась как голос «альтернативных фактов» после того, как возглавила успешную кампанию за Трампа. А затем есть наказания: увольнение сотрудников, которые каким-либо образом

высказываются против лидера, и недавний полицейский рейд на дом ученого, который опубликовал цифры COVID...

Система наказаний и вознаграждений также распространяется на семью Трампа. Большинство его взрослых детей, в частности Дональд-младший, Эрик и Иванка, имеют роли в политической сфере своего отца, поэтому есть власть, которую они могут получить от участия, наряду с финансовой выгодой. Кумовство, кажется, является объединяющим нитью между культовыми, авторитарными лидерами; семья Ким Чен Ына в Северной Корее печально славна этим, говорит Лалич.За пределами внутреннего круга культа есть то, что Лалич называет «внешней ступью», объясняя: «Они очень необходимые сторонники, которые придают легитимность культу». В этом случае корпоративные доноры Трампа и политики-республиканцы, которые не полностью не поддерживают и не отрекают тираническое поведение Трампа, могут считаться частью внешней ступы; их негласная поддержка культа дает им экономическое и политическое влияние, по словам Лалича. Отказываясь осудить авторитаризм Трампа, вопиющее превосходство белых, ксенофобию, женоненавистничество и ложь, они являются соучастниками этого.

Религия и духовность также играют важную роль в восхождении Трампа к власти и удержании его. Прославление себя как Христа стало нормальным; на недавнем митинге Трамп заявил, что «только Иисус Христос более известен, чем он», а его сын Эрик отметил, что его отец «спас христианство». Эти идеи о том, что лидер является своего рода вторым пришествием фигуры Христа или другой пророческой фигуры, также типичны для культовой структуры, говорит Лалич. Верные последователи Трампа имеют широкий спектр от евангельских христиан, которые, кажется, утешают его как фигуры Христа, до некоторых людей, которые верят в философию Нью-Эйдж, которые называли Дональда Трампа «работником света». Движение Нью-Эйдж увековечивает идею о том, что "вы создаете свою собственную реальность, и она не должна соответствовать чужой реальности", — говорит доктор. Лалич, что позволяет легко понять, почему некоторым последователям было бы комфортно с теориями Трампа и заговора, поддерживающих Трампа. Некоторые фракции духовных и оздоровительных сообществ Нью-Эйдж также приходят к Трампу с помощью теорий заговора, таких как QAnon (где

в игру вступает термин конспиритуальность Шарлотты Уорд). Инфлюенсеры, которые потакают этим группам, такие как йоги Кристал Тини, на 147 000 подписчиков, поддержали как риторику, связанную с QAnon, так и дезинформацию, связанную с вакцинацией и COVID.Это принятие ложной информации действительно проникает из групп, которые извергают опасные теории заговора, и в население в целом.

Дезинформация была центральным тентом всей кампании и президентства Трампа и породила QAnon — культ в своем собственном праве. Теория заговора QAnon, ставшая движением, утверждает, что Трамп — спаситель, который может разрушить предполагаемую санкционную либералами педофильскую сеть со штаб-квартирой в пиццерии в Вашингтоне, округ Колумбия (отсуть, PizzaGate). Хотя эти теории кажутся невероятными для многих, эксперты говорят, что для тех, кто придерживается их, они являются способом понять хаотичный мир. Но в этом поиске более глубокого смысла многие теоретики заговора склонны падать в кроличью нору, из которой трудно сбежать.

Культовая психология известна своим подходом «все или ничего», в котором есть последствия, если вы осуждаете или покидаете культ — в него всплутит система наказаний и вознаграждений. "Лидеки, которые являются членами культов и банд, могут быть полностью остракизированы, подвергны насилию или даже убиты, если они не будут декламировать и в конечном итоге не верят в расовую риторику и идеологию", — говорит Лила Магави, врач, психиатр и региональный медицинский директор по общественной психиатрии в Южной Калифорнии. Чем глубже последователи вовлекаются в культ или теорию заговора, тем сложнее найти выход».[86]

Этот повторяющийся посыл создает мощный эффект «эхо-камеры»: когда несколько «независимых» экспертов, таких как Хассан, Стайн и Лалич, начинают транслировать одни и те же тезисы, у общественности и СМИ формируется ложное впечатление, будто это общепринятая научная точка зрения. На деле же мы наблюдаем классическую тактику информационной войны — создание «фабрики консенсуса», где члены одной и той же узкой сети взаимно цитируют и усиливают друг друга, искусственно симулируя широкую поддержку своих идей.

Лалич, как и Стайн, является важным элементом поддержки для Хассана. Они вместе формируют информационный фон, на котором его радикальные идеи начинают выглядеть как мейнстримное экспертное мнение.

Как я уже упоминал выше (стоит это здесь повторить для полноты картины), Александр Дворкин на официальном сайте своего «Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского» (основной ресурс РАЦИРС и главный рупор российского антикультового движения) неоднократно ссылается на Стивена Хассана и прямо цитирует его работы. Именно это и есть связь № 3.

Александр Дворкин, которого часто представляют как яростного борца с «западным влиянием», «американскими сектами» и «иностранными агентами», на деле открыто опирается на авторитет того же Стивена Хассана. В разделе рекомендованной литературы на сайте Иринея Лионского книги Хассана соседствуют с трудами самого Дворкина и других православных авторов. Хассан не просто упомянут — его цитируют, рекомендуют как надёжный источник по «деструктивным культам» и моделям контроля сознания.

Остановитесь и вдумайтесь в этот факт. Главный идеолог российского антикультизма, человек, который построил свою карьеру на борьбе с «американскими тоталитарными сектами», лично рекомендует и продвигает работы своего американского «коллеги», который применяет ровно те же методы против американского президента. Это прямое указание на то, что они находятся на одной стороне. Дворкин видит в Хассане не противника, а союзника, который выполняет ту же самую работу на другой территории. Для Дворкина не важен объект атаки — будь то Свидетели Иеговы в России или сторонники Трампа в США. Важна сама методология — технология дегуманизации и дискредитации любой группы, объявленной «культом».

Стивен Хассан не является независимым американским экспертом. Он — неотъемлемая часть глобальной антикультовой сети, корни которой уходят прямо в Россию, в кабинет Александра Дворкина, благословленного на свою деятельность Русской православной церковью и тесно связанного с российскими силовыми структурами. Модель и наработки, внедряемые Дворкиным, были экспортированы в Европу через FECRIS, адаптированы для западной публики Александрой Стайн, усилены через BBC, а также развернуты в США Стивеном Хассаном и другими антикультовыми представителями.

Чтобы окончательно убедиться в том, что мы имеем дело с одной и той же технологией, просто переодетой в разные национальные костюмы, давайте проведем прямое сравнение. Положим рядом риторику Александра Дворкина, направленную против религиозных меньшинств в России, и риторику Стивена Хассана, направленную против сторонников Дональда Трампа в США.

Забудьте на минуту о разнице в языках и политическом контексте. Сосредоточьтесь на базовой логике, на том, как конструируется образ врага, и вы увидите, что перед вами — одна и та же ментальная матрица, одна и та же деструктивная модель, применяемая в разных странах.

Первым и фундаментальным шагом в этой модели является отмена субъектности, то есть лишение человека права на собственное мнение. Александр Дворкин, выступая против религиозных меньшинств в России, описывает их членов не как людей, сделавших осознанный духовный выбор, а как «зомби», жертв вербовки, чьи убеждения не являются их собственными.

«МОСК — «опасная тоталитарная секта, зомбирующая своих членов, калечащая и развращающая детей. Ее руководство стремится только к деньгам и власти».

«Молодые люди — девушки и юноши — пропадали из дому один за другим, отдавая все свое имущество секте. Когда их удавалось найти, они были неузнаваемыми. Именно с этого начались родительские инициативы в США, именно тогда впервые заговорили о «промывании мозгов» и «зомбировании» в сектах, именно тогда начались первые попытки депрограммирования жертв «Детей Божиих»».

«Резкая перемена, происходящая с новообращенным сектантом, очень похожа на это. И многие заговорили о методах промывания мозгов в сектах. Другой, широко применявшийся тогда термин — зомбирование или программирование: «секты программируют своих жертв», — утверждали люди».

«Продолжим рассказ о вероучении «Поместной церкви». Итак, все, что исходит от Уитнесса Ли, воспринимается сектантами как абсолютная и непреложная истина; любые вопросы автоматически исключаются. Это приводит к состоянию отключенного сознания — тому, что в просторечии иногда называют зомбированием. Первое, что вам говорят: «Прекрати думать, брат. Сейчас ты работаешь умом, а нужно работать духом. Все

нужно воспринимать духом». «Споры о контролировании сознания ведутся достаточно давно. Родители жертв сектантства еще в 60-е годы начали подмечать, что их детей как будто подменили: оказавшись членами секты, они стали другими, гораздо худшими людьми. Родители говорили, что их дети стали похожими на автоматы, на роботов, на зомби, что они совершенно несвободны — ими управляет и все за них решает секта».[4]

Похожим образом Стивен Хассан, анализируя сторонников Трампа в США, представляет их не как граждан, выражающих политическую позицию, а как жертв контроля сознания и «загипнотизированных последователей» с «взломанным» разумом, не способных мыслить самостоятельно.

«Диагностика — и помощь — должна распространяться и на людей, завербованных в торговлю людьми и экстремистские террористические организации. Многие бывшие террористы подвергаются остракизму и оказываются в тюрьме, хотя в большинстве случаев они стали жертвами принудительного контроля сознания, вербовки и идеологической обработки. Я давно считаю, что консультирование таких людей — помощь им понять, что с ними произошло, — а затем вовлечение их в обучение других могло бы стать мощным средством предотвращения дальнейшей террористической вербовки».

«Он был преданным мужем, отцом и сыном пережившего Холокост, который «пытался жить жизнью, полной верности, дружбы, щедрости и сострадания». Он же был и тем, кто заглушал голос совести и был «настолько загипнотизирован Дональдом Трампом, что был готов делать для него вещи, которые знал абсолютно неправильными». Он заявил, что был даже готов принять пулю за Трампа».

«Когда люди впадают в такое состояние, недобросовестные лидеры могут внедрять иррациональные убеждения. Я знаю множество умных, волевых людей, которых в подобных условиях загипнотизировали (обычно без их ведома) и заставили делать вещи, которые в нормальном состоянии они никогда бы не сделали».[75]

В обоих случаях реальные убеждения людей объявляются нелегитимными, что позволяет не вступать с ними в содержательный диалог.

Следующим закономерным приемом становится психиатризация, когда оппонента объявляют сумасшедшим. Дворкин представляет лидеров новых

религиозных движений не как инакомыслящих, а как психопатов и мошенников с манией величия», чьи учения — это вирус в сознании или духовная зараза.

«Погружение в бессознательное, отключение рефлексирующего ума и снятие всех нравственных ограничений привело впоследствии некоторых учеников Раджниша, особенно если они были невротиками, психопатами, наркоманами или алкоголиками, к серьезным психическим заболеваниям».

«Хотя «Книга Мормона» и стала началом официальной деятельности Джозефа Смита, его дальнейший путь не был столь гладок. Многие из тех, кого он крестил, помнили о его авантюрном прошлом, соседи считали его мошенником и безнадежным кощунником».

«Верховный жрец храма в Двараке (Гуджарат), имеющий значительный авторитет среди ортодоксальных индуистов, назвал таких новых гуру обманщиками и мошенниками. Моральная низость вообще отличает «бизнес-гуру» от традиционных гуру и гуру-фундаменталистов».

«В последние годы все больше преданных отходит от Саи Бабы по причине умножающихся свидетельств о фабрикации им «чудес» и его, мягко говоря, аморальном поведении. Тот, кого почитали как бога, оказался извращенцем и мошенником».

«Такая самооценка — классическое проявление мании величия — одного из признаков душевной болезни».

«В этих словах, наверное, явственнее всего проявляется болезненное душевное состояние Иванова, вызванное его манией величия. Иванов писал о Христе».

«Кажется, он сам так и не уяснил для себя этого вопроса: его мании величия и непомерным завистливости и гордыне всего казалось мало».

«Часто эта самооценка перерастает в болезненную манию величия. Так, киевский житель Д.В. Кандыба, пережив состояние глубокого транса, стал рассматривать это событие как величайшее откровение в истории планеты. По его мнению, духовные состояния Иисуса, Будды, Кришны, Заратустры суть не более чем частные случаи единого и великого Сознания Кандыбы (сокращенно СК)».

«Основатель секты Сёко Асахара (настоящее имя Чизуо Мацумото) начинал свою карьеру в качестве махинатора с элементами мании величия».

«Как стало известно впоследствии, Кибветере несколько лет назад наблюдался в расположенной в столице страны психиатрической больнице. По словам врачей, их бывший пациент демонстрировал «классические симптомы» маниакальной депрессии и мании величия».

«Такая же мания величия, выражающаяся, в частности, в создании «героического мифа», присуща и другим лидерам тоталитарных сект, описанных на этих страницах».[4]

Хассан, в свою очередь, как упоминалось ранее, характеризует Дональда Трампа не как политика с иными взглядами, а как «злокачественного нарцисса» и социопата, чьи идеи являются информационной инфекцией. Этот прием переводит любую дискуссию из плоскости идей в плоскость патологии, где оппонент — не субъект для спора, а объект для лечения. Как показывают приведённые выше высказывания Хассана, подобная медикализирующая риторика позволяет не опровергать аргументы соперника, а заранее лишать их легитимности, представляя политическое несогласие как разновидность аномалии или болезни.

Третий элемент — создание моральной паники, когда угроза раздувается до вселенских масштабов. В риторике Дворкина «тоталитарные секты» — это уже не просто группы верующих, а экзистенциальная угроза, разрушающая семьи, подрывающая основы государственности и ведущая к «демографической катастрофе.

«Члены часто порывают связи с семьей, близкими и друзьями; они отказываются от целей жизни и личных интересов, которые были у них до того, как они были завербованы в группу».

«Бывшая «свидетельница» Ронда Пенланд пишет: ««Свидетели Иеговы» утверждают, что они способствуют укреплению семейных связей. Из-за них мой брат убил себя, моя мать пробовала покончить с собой. Остальные члены семьи прервали со мной общение. «Свидетели» не объединили мою семью, они разрушили ее»».[4]

Хассан, в параллель ему, видит в «Культе Трампа» не политическое движение, а силу, разрушающую демократию, подрывающую психическое здоровье нации и ведущую Америку к авторитаризму и гражданской войне. Такой подход оправдывает использование любых средств для борьбы с «сверхугрозой».

«Хотя они выступают за конституционные права личности на здоровье, счастье и свободу, в либертарианском движении, по крайней мере среди элит — таких как Кохи, Тиль, бывший спикер Палаты представителей Пол Райан, советник Трампа Стивен Мур и политики Рон и Рэнд Пол, — присутствует антидемократическая линия. В журнале New York Джонатан Чейт описывает, что «многие из них видят в демократии процесс, который позволяет большинству объединяться против богатого меньшинства и осуществлять узаконенное воровство через перераспределение. Их высшее понимание свободы сводится к защите прав собственности от демократического процесса, и они исторически были готовы поддерживать авторитарных лидеров, которые обеспечат реализацию их политической программы». Их главная забота, пишет Чейт, — защита «созидателей» от «иждивенцев», что полностью согласуется с философией Трампа о победе и его склонностью к авторитарности».

«Христианские правые, Россия и альт-правые объединены целью дестабилизировать демократические институты ради собственных интересов. Однако эта атака на демократию — игра на страхах, гневе и панике ради разрушения — велась изнутри наших же институтов. Джеймс Скаминаси III усматривает её ранние политические проявления в конце 1980-х, когда Ньют Гингрич стал спикером Палаты представителей и начал активно сеять раздор между политическими партиями, используя разжигающую риторику, вводя в обиход стиль политической борьбы «мы против них», «добро против зла». По словам Скаминаси, подъём движения Чаепития, добившегося влияния благодаря мобилизации народной ненависти к правительству, ведёт корни именно к Гингричу».

«Этот подрывной подход к политике мне слишком хорошо знаком. Когда я был в «мунистах», мне говорили, что демократия — как и коммунизм — сатанинская, но при этом Мун постоянно стремился проникнуть в демократические институты, налаживая отношения с сенаторами, конгрессменами, президентами, религиозными лидерами, бизнесменами — всеми, кто обладал влиянием и властью. Он разделял многие теократические цели христианских правых — взять американское правительство под контроль — и десятилетиями сотрудничал с ними».

«12 апреля 2019 года он опубликовал видео, на котором демократический представитель Миннесоты Илхан Омар обращается к Совету по американо-

исламским отношениям (CAIR), говоря о том, как после 11 сентября мусульман лишают гражданских свобод. В твите Трампа её слова были смонтированы с кадрами падения башен-близнецов и подписью «Мы никогда не забудем». И это сообщение Трампа выглядело почти мягким по сравнению с некоторыми роликами и изображениями, атакующими Омар, которые распространяли сайты альт-райта и христианских правых».

«"Современные американцы не мудрее европейцев, которые наблюдали, как демократия уступала место фашизму, нацизму или коммунизму в XX веке. Наше единственное преимущество состоит в том, что мы можем учиться на их опыте", — пишет он».

«В своей книге «Как умирают демократии» Стивен Левицки и Даниэл Зиблатт, оба профессора государственного управления в Гарварде, показывают, как демократически избранные лидеры могут постепенно подрывать демократические нормы и создавать предпосылки для авторитарных режимов».

«Эти сдержки и противовесы были нарушены президентом Трампом, который, судя по всему, воспринимает эти ветви власти как продолжение Белого дома и подотчетные ему структуры. Кроме того, если Конгресс и судебная ветвь состоят из сотен людей, многие из которых обладают значительными полномочиями, то фокус исполнительной власти сосредоточен на одном человеке. Тем более важно, чтобы этот человек был психически здоров. Двигаясь дальше, нам нужны стандарты и правовые механизмы, которые защитят нашу демократию от психологически нестабильных лидеров и потенциальных авторитарных правителей».

«Один из таких сторонников, Стив Спэйт, рассказал Пилкингтону историю о том, насколько далеко он готов зайти. «На днях он разговаривал со своей сестрой, которая придерживается либеральных взглядов и голосует за демократов», — пишет Пилкингтон. «Он сказал ей: "Если в этой стране начнётся гражданская война и ты окажешься на неправильной стороне, я без колебаний выстрелю тебе в лицоя". Вы шутите, — говорю я. — "Нет, не шучу. Я люблю свою сестру, у нас отличные отношения. Но она должна понимать, насколько страстно я отношусь к нашему президенту"».[75]

Наконец, кульминацией этой модели является использование языка насилия, замаскированного под язык помощи. Дворкин и его последователи предлагают «помощь» и «реабилитацию» жертвам сект, которые на деле часто

оказываются методами психологического давления и принудительного отказа от убеждений.[87]

Аналогично, Хассан предлагает «помощь» сторонникам Трампа через этичное вмешательство и стратегическое взаимодействие — эвфемизмы, скрывающие ту же суть депрограммирования для принудительного изменения мировоззрения.[88]

Таким образом, принуждение и насилие подаются как акт заботы и спасения, что является общей чертой этого деструктивного подхода, независимо от того, применяется он в религиозном или политическом контексте.

Хассан взял ту же самую бесчеловечную логику дегуманизации, которую Дворкин использует для оправдания репрессий против верующих в России, и просто применил ее к новым целям в США. Он вместо термина «тоталитарная секта» использует термин «культ личности». Но суть осталась неизменной. И там, и там в основе лежит одна и та же идея, уходящая корнями в практику тоталитарных режимов XX века: если человек придерживается «неправильных» взглядов, он либо сумасшедший, либо жертва «промывки мозгов». В любом случае, он не является полноценным субъектом права, и его убеждения можно и нужно «исправлять» насильно «ради его же блага». Это не просто сходство. Это идеологическая идентичность. И тот факт, что Дворкин открыто продвигает Хассана, лишь подтверждает, что они оба — солдаты одной армии, воюющие на разных фронтах.

Применение антикультовой модели в политике — это не просто использование ярких метафор. Это целенаправленное внедрение в общественное сознание идей, подрывающих сами основы демократического устройства. Когда риторика «Культа Трампа» становится мейнстримом, она приводит к трем катастрофическим последствиям.

1. Радикализация и усиление поляризации. Представьте себе политическую дискуссию. Одна сторона говорит: «Мы считаем, что для процветания страны нужны низкие налоги и сильные границы». Другая сторона отвечает: «Вы так говорите, потому что вы — жертвы контроля сознания, ведомые злокачественным нарциссом. Ваш мозг инфицирован. Вы не способны к рациональному мышлению». Какой диалог возможен после этого? Никакого. Риторика «культа» — это абсолютное оружие, которое делает любой компромисс или диалог невозможным. Она не просто критикует взгляды оппонента, она объявляет самого оппонента неполноценным, недееспособным, по сути,

нечеловеком. Это превращает политических противников во врагов, которых нужно не переубеждать, а изолировать и «вылечить». Это выжженная земля, на которой не может вырасти ничего, кроме ненависти. В и без того расколотом американском обществе идеи Хассана и его последователей стали катализатором, который превратил политические разногласия в непреодолимую пропасть между «нормальными» и «зазомбированными».

2. Делегитимация демократических институтов. Демократия основана на простом, но фундаментальном допущении: каждый гражданин имеет право на свой голос, и совокупность этих голосов определяет курс страны. Что делает риторика «Культа Трампа»? Она атакует это допущение в самое сердце.

Если миллионы голосов, отданных за одного из кандидатов, объявляются результатом не свободного выбора, а «массового психоза» и «контроля сознания», это ставит под сомнение легитимность самих выборов. Выборы перестают быть выражением воли народа. Они становятся симптомом «национальной болезни». И если выборы выигрывает «лидер культа», то результат этих выборов можно объявить недействительным, ведь «жертвы» не могли голосовать свободно. Это чрезвычайно опасный путь. Он ведет к идее, что «правильный» результат выборов должен определяться не избирателями, а «экспертами», которые могут отличить «здоровое» волеизъявление от «патологического».

3. Оправдание цензуры и репрессий. Логика антикультистов неизбежно ведет к требованию цензуры. Если информация, исходящая от политического оппонента, — это не альтернативная точка зрения, а «пропаганда культа», «оружие контроля сознания», то ее распространение нужно остановить. Это больше не вопрос свободы слова, это вопрос «национальной безопасности» и «психического здоровья нации».

Призывы блокировать аккаунты Трампа в социальных сетях, требования к медиа не предоставлять эфир его сторонникам, давление на платформы с целью удаления «дезинформации» — все это получает мощное «научное» оправдание благодаря риторике Хассана. Критика превращается в «язык вражды», альтернативные факты — в «культовую пропаганду». Под предлогом защиты общества от «манипуляций» создается механизм для подавления любого инакомыслия.

Те, кто начинал с требования запретить «тоталитарные секты» в России, и те, кто требует запретить «язык культа» в американской политике, действуют по

одной и той же схеме. Они стремятся получить право решать, какая информация является «безопасной», а какая — «опасной», и на этом основании контролировать общественный дискурс.

Таким образом, модель, изначально созданная как инструмент для борьбы с религиозными меньшинствами, в руках Хассана и его союзников превратилась в идеальное оружие для политической борьбы в XXI веке. Она позволяет демонизировать оппонентов, раскалывать общество, ставить под сомнение результаты выборов и оправдывать цензуру — и все это под респектабельной маской «научной экспертизы» и «заботы о психическом здоровье».

Что это, если не скоординированная глобальная операция по подрыву и окончательному уничтожению демократии? Технология, созданная для укрепления тоталитарных режимов, для ликвидации любых альтернативных мнений, сегодня стала главным инструментом в борьбе за власть прямо в сердце мировой демократии — в Соединённых Штатах Америки. Атака на малоизвестную религиозную группу в сибирской тайге и массированная кампания против избранного президента США — это звенья одной цепи, направленной на одно и то же: разрушение свободного волеизъявления народа и замену демократии управляемым «экспертным» авторитаризмом.

Совпадение? Едва ли. Кто стоит за этим процессом? Кто на самом деле финансирует, координирует и направляет экспорт российских репрессивных технологий именно туда, где они могут нанести максимальный ущерб демократии? Какова их конечная цель — не просто победа одной партии, а полное уничтожение самой идеи народовластия, свободных выборов и плюрализма мнений?

Если сегодня они объявляют «культом» половину американских избирателей и оправдывают этим цензуру и политические репрессии, то завтра под прицелом окажется любой, кто осмелится голосовать «неправильно» или думать иначе. Кто-то очень хочет подорвать веру в демократические институты и уничтожить демократию.

Глава 7. Арсенал обмана: Псевдонаука, «промывание мозгов» и «вина по ассоциации»

Расследование показало, как созданная в России Александром Дворкиным методика дискредитации групп как «культы» и «секты» была через европейскую организацию FECRIS легитимизирована и экспортирована на Запад. Её рупором стала BBC, а финальной мишенью — миллионы американских избирателей. Но до сих пор мы смотрели на эту машину пропаганды снаружи. Мы идентифицировали ее ключевых операторов и проследили их связи. Теперь пришло время заглянуть под капот. Сравнение с работой иллюзиониста здесь как нельзя кстати. На сцене мы видим эффектное «спасение» очередной «жертвы» из лап зловещего «культа». Публика аплодирует, убежденная в реальности происходящего. Но за кулисами, вдали от ярких софитов, лежит скромный реквизит фокусника: набор безотказных трюков, рассчитанных на невнимательность и доверчивость зрителя.

Как именно они это делают? Какими инструментами пользуются, чтобы превратить обычного верующего в «зомби», группу по саморазвитию — в «деструктивную секту», а политического оппонента — в «лидера суицидального культа»?

Первое и главное их оружие — это реанимация давно дискредитированного академическим сообществом мифа о «промывании мозгов». Второе — это настоящая алхимия статистики, способность фабриковать «данные» из воздуха и представлять их в виде солидных отчетов для правительств. Третье — это грязный, но чрезвычайно эффективный прием, известный как «вина по ассоциации», позволяющий клеймить любого по сходству с давно осужденными преступниками. И, наконец, четвертое — это методологически порочная, но эмоционально убедительная опора на показания так называемых «отступников», чьи сфабрикованные личные драмы антикультовое лобби превращает в топливо для своей машины.

История одного из самых вредоносных псевдонаучных мифов двадцатого века началась не в академической лаборатории, а на страницах американских газет в разгар Корейской войны. Термин «промывание мозгов» (brainwashing) был введен в оборот журналистом Эдвардом Хантером.[89] Как позже установил итальянский социолог Массимо Интровинье, Хантер был не просто журналистом, а кадровым сотрудником ЦРУ, и его задачей было создание мощного пропагандистского образа, объясняющего, почему некоторые американские военнопленные выступали с критикой политики США после пребывания в китайских лагерях. Идея о таинственной коммунистической

технике, способной полностью стереть личность и заменить ее новой, идеально вписывалась в атмосферу страха и паранойи Холодной войны. Она рисовала врага не просто жестоким, но обладающим почти сверхъестественными способностями к ментальному порабощению.

К началу 90-х годов теория «промывания мозгов» была окончательно дискредитирована в глазах серьезных ученых. Ведущие академические ассоциации, такие как Американская психологическая ассоциация (APA) и Американская социологическая ассоциация (ASA), после тщательного изучения вопроса пришли к выводу, что эта теория не имеет под собой научной основы и не может использоваться для объяснения религиозной конверсии.[94]

Этот псевдонаучный миф был окончательно опровергнут судебным решением по делу «США против Фишмана» в 1990 году.[95] Это был поворотный момент. Суд, рассмотрев показания ведущих социологов и психологов, официально постановил, что теория «промывания мозгов» не соответствует критериям научного доказательства, принятым в американской юриспруденции (так называемому стандарту Фрая), и потому показания «экспертов», основанные на этой теории, не могут приниматься во внимание.[96] С этого момента на Западе концепция потеряла всякую легитимность не только в научном, но и в правовом поле. Казалось, этот миф был окончательно развенчан.

Но именно в этот момент теория была реанимирована в России вернувшимся из США Александром Дворкиным. Для российской аудитории Дворкин представил эту концепцию как передовое научное знание. Он не стал утруждать себя наукообразными терминами, а использовал самые грубые и прямолинейные ярлыки: «зомбирование», «контроль сознания», «деструктивный культ». Эта грубая, немодифицированная версия предназначалась для внутреннего потребления и идеально легла на почву постсоветского хаоса и страха перед всем новым и непонятным.

Тем временем западные исследователи и активисты антикультового движения, столкнувшись с критикой со стороны судебной системы и части научного сообщества, начали пересматривать свою терминологию и подходы. Понимая, что термин «промывание мозгов» вызывает споры в академических и юридических кругах, многие специалисты стали использовать альтернативные концептуальные рамки из признанных областей психологии.

Одним из таких подходов стала работа Александры Стайн, попечителя TFST и эксперта BBC, с которой началось наше расследование. В своей книге «Террор,

любовь и промывание мозгов» (2016) она применила теорию травматической привязанности для объяснения психологических механизмов в группах с высоким уровнем контроля.

«Таким образом, дезорганизованная (или травматическая) привязанность — разновидность хронической травмы, которая приводит к нарушению функционирования орбитофронтальной коры как «главного регулятора», реагирующего на угрозу».[97]

По сути, она взяла легитимную теорию, объясняющую поведение жертв домашнего насилия (стокгольмский синдром), и механически адаптировав её к контексту закрытых религиозных и идеологических групп. Все элементы старого мифа остались на месте: потеря воли, неспособность уйти, полная зависимость от лидера-абьюзера. Изменилась лишь терминология.

Другой американский «эксперт», Стивен Хассан, пошел еще дальше и создал универсальную модель-конструктор для выявления «культов» — знаменитую модель BITE (Behavior, Information, Thought, and Emotion control, то есть Контроль Поведения, Информации, Мышления и Эмоций). На первый взгляд, это выглядит очень научно и структурированно. Но стоит вчитаться в критерии, которые предлагает Хассан, и становится очевидно, что это ловушка. Критерии настолько широки и расплывчаты, что под них можно подвести практически любую сплоченную организацию, требующую от своих членов дисциплины и лояльности.

Например, в разделе «Контроль Поведения» одним из признаков «культа» Хассан называет регулирование того, что и как человек ест, пьет, одевается.

«— Контроль типов одежды и причёсок

— Регулирование питания — еды и напитков, голода и/или постов

— Манипуляция и ограничение сна».[75]

Под это описание подходит широкий спектр социальных институтов. Например, любая армия мира, где военнослужащие носят униформу, питаются по расписанию и соблюдают строгий распорядок дня. «Навязывание жесткой дисциплины»? Это характерно для армии и профессиональных спортивных команд. «Поощрение зависимости от группы»? Этот принцип лежит в основе монашеских орденов, где обет послушания и общинная жизнь являются центральными элементами. «Контроль информации» и «использование пропаганды»? Эти методы активно применяются политическими партиями во

время избирательных кампаний. «Навязывание "хороших" и "плохих" мыслей»? Это фундаментальная характеристика любой этической или религиозной системы — от христианства до буддизма.

Критики модели BITE указывают на её недостаточную специфичность. При буквальном применении критериев Хассана под определение «деструктивного культа» могут попасть разнообразные организации: корпорации с сильной корпоративной культурой (например, Apple), веганские сообщества, политические движения или даже семьи с авторитарным стилем воспитания.

Ключевой методологический вопрос: если модель применима к столь широкому кругу явлений, обладает ли она достаточной дискриминантной валидностью для выявления именно деструктивных групп? Или это универсальный шаблон, который может быть использован для стигматизации любой неугодной организации?

Сам Хассан утверждает, что важна не наличие отдельных элементов, а их комбинация, интенсивность и отсутствие информированного согласия. Однако его модель не содержит четких количественных критериев для определения того, когда «нормальное социальное влияние» переходит в «деструктивный контроль сознания». Это делает её применение во многом субъективным и зависимым от предустановок исследователя.

Таким образом, эта модель была интегрирована в российское информационное пространство и популяризирована российской антикультовой сетью во главе с Дворкиным. Концепция «промывания мозгов» и ее современные аватары — это не научная теория. Это идеологическое оружие, которое было и остается главным инструментом в арсенале глобального антикультового лобби.

Если первое оружие в арсенале антикультовых лоббистов — это псевдонаучная теория, то второе — это псевдонаучные данные. Передо мной лежит глянцевый, на вид очень солидный документ. Он называется «Принудительный контроль в культовых группах в Соединенном Королевстве» и датирован июлем 2022 года. Этот отчет был подготовлен организацией The Family Survival Trust (TFST) и представлен членам британского парламента.[37]

Напомню, что TFST — это британский филиал FECRIS, его председателем является бывший замминистра внутренних дел Том Саквилл, а одним из попечителей — та самая Александра Стайн. То есть это не работа независимых ученых, а документ, созданный в самом сердце той сети, которую мы расследуем.

И цель его предельно ясна: оказать давление на законодателей, убедить их в существовании огромной, скрытой угрозы и, как следствие, добиться ужесточения законов и получения государственного финансирования.

Для антикультового лоббиста нет ничего важнее цифр. Абстрактные рассуждения о «контроле сознания» могут впечатлить обывателя, но на политика, принимающего решения, действуют графики, проценты и статистика. И этот отчет полон цифр. Он пестрит заявлениями о количестве «культов» в Британии, о проценте «пострадавших», о суммах «ущерба». На первый взгляд, все это создает впечатление глубокого, всестороннего исследования. Но, как и в случае с фокусником, стоит лишь присмотреться к его рукам, как магия исчезает. Журналистское вскрытие методологии этого отчета показало, что мы имеем дело не с наукой, а с настоящей алхимией — попыткой превратить свинец пропагандистских лозунгов в золото «научных данных».

Главный вопрос к любому социологическому исследованию: откуда взяты данные? Кто эти люди, на чьих ответах строятся выводы? В науке существует понятие репрезентативной выборки. Чтобы судить о настроениях в стране, нельзя опрашивать только членов одной политической партии. Чтобы изучить влияние йоги на здоровье, нельзя набирать респондентов исключительно в травмпунктах. Это азы. Но авторы отчета TFST с этими азами, похоже, не знакомы.

Как они сами признаются в тексте, их «исследование» основано на анкетах. Где распространялись эти анкеты? Они не проводили общенациональный опрос. Они не опрашивали случайных людей на улицах. Они распространяли свои анкеты через собственный сайт, через сайты дружественных антикультовых организаций и среди людей, которые уже обращались к ним за «помощью». Это классическая, хрестоматийная ошибка отбора, известная как selection bias (систематическая ошибка отбора). Они изначально опрашивали только тех, кто уже был убежден в существовании «культовой угрозы», кто был враждебно настроен к какой-либо группе и искал подтверждения своей правоты. Это всё равно что изучать влияние видеоигр на психику, опрашивая исключительно родителей, обратившихся в центр помощи игровым зависимым, а затем на основании их тревожных рассказов требовать запрета всех видеоигр в стране.

Результат такого «исследования» был предсказуем с самого начала. Конечно же, 100% их респондентов сообщили об ужасах «принудительного контроля». А как могло быть иначе?

Но даже это не самый вопиющий пример манипуляции. Давайте разберем одно из ключевых утверждений отчета, которое с большой помпой было представлено прессе и парламентариям. Авторы заявляют, что в Великобритании действует «около 2000 культов».[98,99] Эта цифра звучит угрожающе. Она создает образ страны, наводненной зловещими организациями, которые охотятся за душами и кошельками доверчивых граждан. Но откуда она взялась? Я потратил немало времени, пытаясь найти источник этого утверждения, какое-либо научное исследование или перепись, которая могла бы дать такую цифру. Мои поиски не увенчались успехом. Ни одного академического источника, подтверждающего эту цифру, не существует.

Зато я обнаружил кое-что другое. Подобные круглые, ничем не подкрепленные цифры имеют свойство кочевать из одного антикультового источника в другой, со временем приобретая статус «общеизвестного факта». Очень часто первоисточником такого «факта» оказывается случайное заявление, сделанное кем-то из «экспертов» в медиа. Например, гость на каком-нибудь ночном радио-шоу на BBC в ответ на вопрос ведущего бросает: Ну, по моим оценкам, их тут около двух тысяч. И все. Цифра ушла в народ. Завтра ее процитирует газета, послезавтра она появится в блоге, а через год — в «солидном отчете для парламента», уже без всяких ссылок на сомнительное происхождение. Это классический механизм отмывания дезинформации: необоснованное утверждение, многократно повторенное через авторитетные каналы, начинает восприниматься как истина.

Именно так работает алхимия антикультовой статистики. Берется предвзятая выборка, состоящая из собственных сторонников. Их эмоциональные рассказы облекаются в форму процентов и графиков. К этому добавляются «факты», взятые с потолка или из случайных медийных заявлений. И все это упаковывается в документ с наукообразным названием.

Вишенкой на этом торте является полное отсутствие независимой научной проверки. Любая серьезная академическая работа, прежде чем быть опубликованной в научном журнале, проходит процедуру слепого рецензирования (peer review). Это означает, что ее анонимно читают другие ученые из той же области, которые проверяют методологию, логику и выводы.

Это главный механизм контроля качества в науке, который отсеивает мусор, ошибки и откровенные подтасовки. Отчет TFST, разумеется, никакой процедуры рецензирования не проходил. Он и не мог ее пройти, потому что ни один уважающий себя социолог не одобрил бы публикацию исследования с настолько порочной методологией.

Так зачем же был нужен этот документ? Его цель — не исследование. Его цель — лоббизм. Создать моральную панику, напугать общество и законодателей, чтобы они приняли нужные решения. Какие? Например, внести поправки в законодательство, которые криминализируют «принудительный контроль» в трактовке Александры Стайн, что позволит преследовать любую группу, чьи методы покажутся кому-то «чрезмерным давлением». Или добиться выделения государственных грантов для TFST и других подобных организаций, чтобы они могли расширить свою деятельность. Или, что самое важное, добиться для себя статуса официальных, признанных государством «экспертов», чье мнение будет решающим в судах, в работе социальных служб и в полиции.

Отчет TFST — это не научный документ. Это классический образец пропагандистского материала, замаскированного под исследование. Это дымовая завеса, призванная скрыть полное отсутствие реальных доказательств и придать респектабельности деятельности группы антикультовых лоббистов. И тот факт, что этот материал был с серьезным видом представлен в британском парламенте, говорит не о качестве отчета, а о степени влияния, которого эта сеть сумела добиться.

Представьте себе судебный процесс. Прокурор встает и говорит: «Господа присяжные, взгляните на подсудимого. Да, у нас нет прямых доказательств, что он совершил это преступление. Но позвольте мне рассказать вам историю Джона Уэйна Гейси, серийного убийцы, который подрабатывал клоуном на детских праздниках. А теперь снова посмотрите на подсудимого. Он тоже клоун. Он носит такой же парик и красит нос красной краской. Разве вам не очевидно, что он опасен и способен на такие же ужасные вещи?».

Любой здравомыслящий человек посчитал бы такого прокурора сумасшедшим, а его «аргумент» — абсурдным и недопустимым. Однако именно на этой примитивной логической уловке, известной как «вина по ассоциации» (guilt by association), построено третье мощное оружие антикультового лобби. Его суть проста: если некто А является доказанным преступником, а некто Б имеет с А некие общие, зачастую сфабрикованные признаки, то Б автоматически

становится подозрительным и потенциально таким же преступником. Этот прием нечестен, но эмоционально чрезвычайно эффективен, поскольку он апеллирует не к разуму, а к страху.

В арсенале антикультового лобби есть свой собственный пантеон «серийных убийц», свои универсальные пугала, сравнением с которыми можно заклеймить любую неугодную группу. Это три имени, три трагедии, которые они эксплуатируют десятилетиями: Джим Джонс и его «Храм народов», устроивший массовое самоубийство в джунглях Гайаны в 1978 году; Дэвид Кореш и его община «Ветвь Давидова», погибшая в огне после штурма ФБР в Уэйко в 1993 году; и японская секта «Аум Синрикё», совершившая газовую атаку в токийском метро в 1995 году.

Механизм его применения доведен до автоматизма и состоит из трех простых шагов. Шаг первый: взять реальное преступление. Трагедия в Джонстауне или атака в Токио — идеальные примеры, поскольку они глубоко врезались в коллективную память и вызывают однозначный ужас.

Шаг второй: максимально обобщить признаки преступной группы. Не концентрироваться на факторах, которые привели к трагедии, а выделить самые общие, самые безобидные черты. Например: «У них был харизматичный лидер». «Они жили в уединенной общине». «У них были взгляды, отличные от общепринятых». «Они практиковали медитацию».

Шаг третий: применить эти обобщенные признаки к новой мишени. Появляется новая духовная группа, лидер которой пользуется авторитетом у последователей? Сразу же вешается ярлык: Осторожно, это может быть новый Джим Джонс! Группа людей решила купить землю и основать экопоселение, чтобы жить в гармонии с природой? Немедленно следует предупреждение: Это вылитый Уэйко, они вооружаются и готовятся к осаде! Сообщество практикует совместные медитации? Это же точь-в-точь как «Аум Синрикё» перед атакой!

Эта тактика позволяет полностью избежать необходимости доказывать реальную опасность или противоправность действий конкретной группы. Вместо сложного и кропотливого анализа ее учения, практик и социальной структуры предлагается простая и пугающая аналогия. Анализ заменяется нагнетанием страха. Доказательства заменяются намеками.

Мы уже видели, как Стивен Хассан, американский участник антикультовой сети, без малейшего смущения применял эту тактику в своей книге «Культ Трампа». Он не просто критиковал политику Дональда Трампа, он напрямую

сравнивал его с Джимом Джонсом и Дэвидом Корешем, а миллионы его избирателей — с покорными адептами, готовыми по его приказу выпить яд. Это не политическая полемика. Это перенос реальных, чудовищных преступлений лидера суицидального культа на политического деятеля, который не совершил ничего подобного. Это и есть «вина по ассоциации» в ее самом неприкрытом виде.

Этот пропагандистский прием стар как мир. В истории человечества он использовался бесчисленное количество раз для оправдания преследований и разжигания ненависти. В нацистской Германии пропаганда Йозефа Геббельса постоянно использовала этот метод. Например, в печально известном фильме «Вечный жид» жизнь евреев в европейских гетто постоянно монтировалась с кадрами миграции крыс, чтобы создать у зрителя подсознательную ассоциацию: еврей = крыса, переносчик заразы. Это была вина по биологической ассоциации. А после провала заговора 20 июля 1944 года Гитлер реанимировал древний германский принцип «Sippenhaft» — коллективной ответственности рода. Семьи, друзья и даже дальние родственники заговорщиков были арестованы, отправлены в концлагеря или казнены не за свои действия, а исключительно за свою связь с «преступниками». Это была вина по родственной ассоциации.

В Соединенных Штатах в 50-е годы сенатор Джозеф Маккарти построил всю свою карьеру на этой тактике. Любой человек, когда-либо состоявший в одной организации с коммунистом, посещавший одно собрание или просто выражавший симпатию левым идеям, автоматически объявлялся «попутчиком» и агентом Кремля. Это была вина по идеологической ассоциации.[100, 101]

Антикультовое лобби во главе с Дворкиным и его последователями использует ровно тот же самый прием, лишь сменив декорации. Коммунистов и евреев заменили «сектанты». Но логика осталась прежней. Если в Японии группа, практиковавшая медитацию, совершила теракт, значит, любая группа, практикующая медитацию, потенциально опасна. «Вина по ассоциации» — это яд для рационального мышления. Она отучает задавать вопросы и проверять факты. Она приучает мыслить стереотипами и поддаваться эмоциям. Это идеальный инструмент для пропагандиста, потому что он позволяет создавать врагов из воздуха, превращая соседа-йога в потенциального террориста, а общину экопоселенцев — в будущих самоубийц. И пока общество готово проглатывать эту наживку, машина по производству страха будет работать без перебоев.

Представьте себе, что вы решили написать книгу об ужасах семейной жизни. Для сбора материала вы идете не в обычные семьи, а исключительно в центры помощи жертвам домашнего насилия и на форумы людей, переживших тяжелый развод. Вы часами беседуете с женщинами, которых избивали мужья, и с мужчинами, которых жены выгнали из дома, отобрав все имущество. Вы собираете их страшные, полные боли и обиды истории. А затем на основе этих историй вы пишете книгу, в которой делаете вывод: институт брака — это система тотального подавления, насилия и эксплуатации, а любая семья — это потенциальный концлагерь.

Будет ли такая книга правдивой? С точки зрения ее героев — абсолютно. Их истории реальны, их страдания не вызывают сомнений. Но будет ли она объективным исследованием института брака в целом? Конечно, нет. Потому что вы изначально проигнорировали миллионы счастливых или просто нормальных семей, чья жизнь никак не вписывается в вашу концепцию. Вы совершили фундаментальную методологическую ошибку: вы приняли свидетельства узкой, специфической и крайне предвзятой группы за всеобъемлющую истину. Именно на этой ошибке, возведенной в принцип, построено четвертое оружие антикультового лобби.

Речь идет об их почти исключительной опоре на показания так называемых «отступников» (apostates). В социологии религии этот термин имеет очень точное значение. Отступник — это не просто бывший член какой-либо группы. Миллионы людей каждый год меняют религию или просто перестают верить, но не становятся отступниками. Отступник — это тот, кто не просто ушел, а сделал борьбу со своей бывшей группой главным делом своей новой жизни. Он строит свою новую идентичность на полном и яростном отрицании своего прошлого. Именно такие люди — и только они — являются главным и практически единственным источником «информации» для антикультовых организаций, от центра Дворкина в Москве до TFST в Лондоне. С точки зрения науки и здравого смысла, строить обвинения исключительно на показаниях таких людей — это методологический нонсенс. И вот почему.

Во-первых, это феномен, который можно назвать «спиралью обиды». Уход из сплоченной группы, которой человек отдал годы жизни, — это всегда травма, даже если уход был добровольным. Часто он связан с личным конфликтом, несбывшимися ожиданиями, разочарованием в лидере или в самом себе. В такой ситуации у человека возникает мощная психологическая потребность

рационализировать свой выбор и найти ему оправдание. Самый простой способ сделать это — переложить всю ответственность с себя на группу. Рождается нарратив: «Это не я ошибся, отдав им десять лет жизни. Это меня обманули, зомбировали, контролировали». Показания становятся не объективным отчетом о прошлом, а инструментом самооправдания. Чем больше человек инвестировал в группу, тем сильнее будет его потребность демонизировать ее после ухода, чтобы объяснить самому себе масштабы своей «ошибки».

Во-вторых, это то, что можно назвать «нарративным конструированием». Когда человек, находящийся в уязвимом состоянии после разрыва с группой, обращается в антикультовый центр, он попадает в руки «редакторов». Сотрудники центра, будь то последователи Дворкина или Стайн, уже имеют готовую теорию — миф о «промывании мозгов» и «контроле сознания». И они начинают помогать бывшему члену «правильно» выстроить его историю, чтобы она соответствовала этому шаблону. Нейтральные или даже позитивные события прошлого переинтерпретируются в негативном ключе. Например, строгая дисциплина, которая раньше воспринималась как путь к духовному росту, теперь называется «поведенческим контролем». Доверие к лидеру, которое казалось добродетелью, становится «травматической привязанностью». Долгие медитации, приносившие умиротворение, превращаются в «технику остановки мышления». Личный конфликт с руководителем, который мог случиться в любом коллективе, раздувается до масштабов «абьюза со стороны нарциссического лидера».

Антикультовый центр дает бывшему члену готовый язык и готовую концепцию для объяснения его несчастья. Он превращает его из человека, совершившего ошибку, в благородную «жертву», героически вырвавшуюся из плена. Этот новый статус очень притягателен. Он снимает личную ответственность и дает новую цель в жизни — «спасать других». В результате мы получаем не аутентичные воспоминания, а историю, сконструированную по лекалам антикультовой идеологии. Человек начинает искренне верить в то, что его «промыли», потому что эта версия событий для него психологически наиболее комфортна.

В-третьих, это вопиющее нарушение принципа контрольной группы. Как я уже говорил в примере с исследованием брака, научный подход требует сравнения. Чтобы судить о группе, нужно выслушать разные стороны. Но антикультисты никогда этого не делают. Они никогда не сопоставляют

страшные истории нескольких отступников со свидетельствами тысяч или десятков тысяч довольных действующих членов, а также тех, кто покинул группу, но сохранил о ней хорошие воспоминания. Это все равно что судить о Соединенных Штатах, читая только блоги политических эмигрантов и полностью игнорируя мнение 330 миллионов американцев, живущих в своей стране. Антикультисты сознательно создают информационный пузырь, в котором существуют только негативные свидетельства. Это классический пример предвзятости подтверждения (confirmation bias) — они ищут и находят только ту информацию, которая подтверждает их изначальную теорию.

Таким образом, опора на свидетельства отступников — это идеально замкнутая система, которая сама себя подпитывает. Антикультовое лобби само создает и формирует нужные ему «доказательства». Оно находит людей в состоянии личного кризиса, предлагает им удобную и лестную интерпретацию их прошлого, редактирует их истории в соответствии со своей идеологией, а затем представляет эти сконструированные нарративы публике и властям как «объективные свидетельства» о «деструктивной природе культов». Это фундаментальное нарушение всех мыслимых принципов научной, юридической и журналистской этики. Это не поиск истины. Это фабрика по производству «жертв», которые служат живым топливом для машины пропаганды.

Дегуманизация — это не просто оскорбление. Это сознательное лишение базовых прав и разрушение демократических основ: свободы вероисповедания, свободы мысли, презумпции невиновности, плюрализма мнений. Это тот самый первый шаг, который нацисты делали против евреев и других «нежелательных» — приклеивание ярлыка, открывающее дорогу репрессиям, а в конечном итоге газовым камерам и геноциду.

Эта технология универсальна и работает как пропаганда в тоталитарном государстве — методично, последовательно, без исключений. Такая масштабная, десятилетиями скоординированная и дорогостоящая операция, охватывающая континенты, не может быть случайностью или инициативой одиночек. Один и тот же антикультовый продукт сегодня используется для подрыва демократии на Западе и объявления миллионов американских избирателей «культом».

Мы имеем дело с глобальной антикультовой сетью, цель которой — через систематическую дегуманизацию уничтожить саму возможность существования свободного общества.

Глава 8. Война другими средствами

От анализа экспертных комментариев на BBC путь привел к обнаружению глобальной сети, опутавшей своими щупальцами государственные институты и медиа по обе стороны Атлантики.

Следующим логичным шагом является анализ применения этой технологии в условиях открытого конфликта. И здесь мы не можем обойти вниманием Украину — ключевой плацдарм, где теория встретилась с практикой. Задолго до того, как в феврале 2022 года заговорили танки, почву для их продвижения удобряли идеологи. И ключевую роль в этом процессе играла именно сеть Александра Дворкина. На протяжении десятилетий, начиная еще с 2000-х, РАЦИРС и связанные с ней структуры вели системную, упорную кампанию по созданию образа Украины как неполноценного, заблудшего, «сектантского» государства. Это была не просто критика или полемика, а целенаправленная отравляющая пропаганда, призванная расчеловечить соседа в глазах российского обывателя. В статьях, выступлениях и «экспертных» заключениях Дворкина и его приспешников настойчиво продвигался тезис о том, что Украина после распада СССР попала под тлетворное влияние Запада, которое проявилось в первую очередь в «засилье сект». Украинское правительство, украинское общество, украинская культура — все это представлялось как нечто глубоко пораженное «деструктивными культами», «неоязычниками» и «сатанистами». Этот нарратив был невероятно удобен. Он позволял объяснить стремление Украины к независимости не естественным желанием суверенного народа определять свою судьбу, а результатом внешнего «зомбирования», коварного «контроля сознания», осуществленного западными эмиссарами через свои «культы». Украинцы в этой картине мира лишались субъектности, превращаясь из нации в паству заблудших еретиков. Эта технология работала безотказно. Вся страна изображалась как гигантский полигон для социальных экспериментов, где опасные безумцы захватили власть. И что самое страшное, эта пропаганда не оставалась внутри России. Благодаря своему посту вице-президента FECRIS, Дворкин получил международную трибуну. Его заявления, растиражированные через европейскую сеть, приобретали вес и видимость объективности. Молчание или бездействие его европейских коллег из FECRIS по этому поводу было оглушительным. Фактически, они стали соучастниками, вольно или невольно легитимизируя

дегуманизацию целой страны. Их статус в Совете Европы и ООН служил ширмой, за которой российская пропагандистская машина получала доступ к международной аудитории. Более того, эта технология работала и изнутри самой Украины.

К 2022 году эта многолетняя идеологическая обработка принесла свои ядовитые плоды. В российском информационном пространстве образ Украины как экзистенциальной угрозы, как «анти-России», был полностью сформирован. Поэтому, когда высокопоставленные российские чиновники, вроде Дмитрия Медведева, начали говорить, что цель вторжения — «остановить верховного властелина ада»,[102] это не было спонтанным бредом сумасшедшего. Это было логическим завершением десятилетий дегуманизирующей кампании, в которой «охотники на культы» сыграли роль идеологического авангарда. Они превратили политический конфликт в метафизическую битву Добра со Злом, в которой противник не заслуживает ни сочувствия, ни пощады. Они создали мир, в котором война стала не трагедией, а священной миссией по изгнанию бесов.

А теперь перенесемся через океан, в Соединенные Штаты Америки. Кажется, что может быть общего между войной в Восточной Европе и ожесточенными политическими баталиями в Вашингтоне? На первый взгляд — ничего. Но если присмотреться к технологиям, которые использовались для разжигания внутреннего конфликта в США, мы увидим до боли знакомый почерк. Та же самая идеология демонизации, тот же псевдонаучный инструментарий, отточенный на религиозных меньшинствах, был импортирован и масштабирован для атаки на одного из самых влиятельных политиков мира — Дональда Трампа — и десятки миллионов его сторонников.

Американским фронтменом этой кампании стал Стивен Хассан, фигура, уже знакомая нам по предыдущим главам. Его книга «Культ Трампа» стала настоящим манифестом психологической демонизации политических оппонентов под видом психологической экспертизы. Официальный сайт центра Дворкина открыто рекомендует книги Хассана, подтверждая их полное идеологическое родство. Это не просто совпадение, это доказательство того, что мы имеем дело с разными фронтами одной и той же войны. Хассан и его последователи сделали ровно то же, что Дворкин делал с Украиной: они перевели политический дискурс из плоскости рациональных аргументов и столкновения интересов в плоскость психиатрии. Дональд Трамп был объявлен не просто политиком с определенными взглядами, а зловещим лидером культа,

использующим техники «контроля сознания» для порабощения своих последователей. А миллионы американцев, отдавших за него голоса, соответственно, превратились из граждан с собственной политической позицией в безвольных, «зазомбированных» жертв. Для этого использовалась псевдонаучная модель BITE, разработанная Хассаном, — универсальный трафарет, который можно наложить на любую неугодную группу и «доказать» ее деструктивность. Логика была убийственно простой и абсолютно антидемократичной: если ваши оппоненты — жертвы «промывки мозгов», то их мнение не имеет значения. С ними не нужно вести диалог, их не нужно пытаться переубедить. Их нужно «лечить», «депрограммировать», спасать от самих себя. Политический оппонент превращался в пациента, а в пределе — в опасного, иррационального фанатика, представляющего угрозу для общества.

Последствия такой дегуманизации не заставили себя ждать. Общество раскололось на два непримиримых лагеря, переставших слышать и понимать друг друга. Поляризация достигла точки кипения. И в этой раскаленной атмосфере ненависти произошло то, что должно было произойти. 13 июля 2024 года, во время предвыборного митинга в Пенсильвании, на Дональда Трампа было совершено покушение. Пуля ранила его в ухо, один человек из толпы был убит. Этот выстрел прогремел на весь мир, и его эхо стало страшным симптомом болезни, поразившей американское общество. Разумеется, покушение совершил конкретный человек, Томас Мэттью Крукс, который и понес за это ответственность. Но было бы верхом наивности считать это трагическое событие случайным актом одинокого безумца. Когда на протяжении многих лет огромную часть общества — десятки миллионов людей — систематически изображают как опасный, безумный «культ», а их лидера — как зловещего гуру, то в сознании неуравновешенных личностей стирается грань между политической борьбой и физическим устранением. Убийство «лидера культа» в такой извращенной логике становится не преступлением, а героическим актом спасения. Риторика ненависти, запущенная «антикультистами», материализовалась в реальную пулю.

Давайте теперь отстранимся и посмотрим на эти два кейса — Украину и сторонников Трампа — с высоты птичьего полета. Если поместить их рядом, сходство окажется не просто поразительным, оно будет уличать. Это не два разных сценария, это две постановки одной и той же пьесы, разыгранные на разных сценах с разными актерами. И в Украине, и в США преследовалась одна

и та же базовая цель: делегитимация оппонента. В украинском случае целью была делегитимация целого суверенного государства для оправдания внешней агрессии. В американском — делегитимация огромного политического движения и его лидера для углубления внутреннего раскола и достижения политических целей. Инструменты и нарративы были практически идентичны. Против Украины был выдвинут лозунг «страна-секта», где у власти якобы стоят «неоязычники» и адепты деструктивных учений. Против сторонников Трампа — лозунг «Культ Трампа». В обоих случаях во главе кампании стояли свои «ключевые эксперты», тесно связанные одной сетью. В России и на международной арене главным рупором был Александр Дворкин. В США его американским аналогом выступил Стивен Хассан, идеологически поддержанный другими членами сети, вроде Александры Стайн. Псевдонаучное ядро тоже было общим. В основе российской кампании лежала расплывчатая, но грозная концепция «тоталитарной секты», созданная самим Дворкиным. В основе американской — якобы научная модель контроля сознания BITE от Хассана. Названия разные, суть одна: объявить оппонента иррациональным и недееспособным.

Обвинения, выдвигаемые против обеих групп, были зеркальным отражением друг друга. Украину обвиняли в приверженности иррациональной, антироссийской идеологии, навязанной извне. Сторонников Трампа — в иррациональной, слепой преданности своему лидеру, являющейся следствием «контроля сознания». И там, и там противника лишали права на собственные убеждения. И конечно, в обоих случаях для распространения этой заразы использовались мощные медийные усилители. В России это были в том числе СМИ федерального уровня, и международная сеть FECRIS, придававшая пропаганде респектабельности. В США эту роль с готовностью взяли на себя крупнейшие либеральные медиа, для которых нарратив о «Культе Трампа» стал удобным и простым объяснением феномена, который они не могли или не хотели понять. И, как мы увидим далее, важнейшую роль в этом процессе сыграла британская вещательная корпорация BBC. Наконец, посмотрим на результат. В случае с Украиной многолетняя идеологическая артподготовка создала в российском обществе приемлемость войны и обеспечила ей моральное оправдание. В случае с США результатом стал беспрецедентный общественный раскол, рост политической ненависти и, как трагическая кульминация, реальное

политическое насилие. Методичка одна, последствия — катастрофические в обоих случаях.

Теперь мы подходим к роли, которую в этой глобальной драме сыграли, казалось бы, респектабельные западные СМИ. И здесь на авансцену выходит BBC, с которой и началось расследование. Корпорация, чей девиз — «Nation shall speak peace unto Nation» («Нация будет говорить мир нации»), на деле оказалась одним из важнейших глобальных рупоров, который придал псевдонаучным теориям «антикультистов» вес, легитимность и планетарный охват. Как мы выяснили в пятой главе, это было не случайной ошибкой, а системным партнерством. BBC систематически привлекала Александру Стайн и ее организацию The Family Survival Trust в качестве «экспертов». Журналисты корпорации некритично транслировали их сомнительные исследования, рекламировали их деятельность и привлекали к созданию документальных фильмов. Так создавалась «фабрика консенсуса»: связанные одной сетью активисты, «эксперты» и якобы независимые «жертвы» подтверждали тезисы друг друга в эфире уважаемой медиакомпании, создавая у зрителя иллюзию объективности и неопровержимости. В контексте американской политической борьбы это партнерство нанесло двойной удар. Во-первых, предоставляя свою влиятельную платформу таким идеологам, как Стайн, BBC легитимизировала саму доктрину, на которой строилась кампания против Трампа в США. Ведь Стайн и Хассан две стороны одной и той же монеты. Усиливая одного, BBC косвенно поддерживала и другого. Но это была лишь половина проблемы. Вторая половина заключалась в том, что сама корпорация была уличена в прямых манипуляциях при освещении деятельности Дональда Трампа. Самым вопиющим стал случай с программой «Панорама».

«В октябре 2024 года, за неделю до выборов президента США, на «Би-би-си» вышел выпуск программы «Панорама». Рассказывая о штурме Капитолия 6 января 2021 года, в программе смонтировали фрагменты двух разных выступлений Трампа так, что складывалось впечатление, будто он прямо призывает собравшихся к беспорядкам и насилию».[103]

Этот скандал привел к громким отставкам в руководстве BBC и угрозе судебного иска на миллиард долларов. Сам Трамп и его команда прямо называли BBC левой пропагандистской машиной и 100% фейковыми новостями. Сложив эти два факта вместе, мы получаем удручающую картину. BBC выступала не как нейтральный наблюдатель, а как активный участник информационной войны.

Она одновременно легитимизировала британских агентов антикультовой сети и напрямую продвигала повестку, выгодную их американским антикультовым коллегам. Глобальный медиагигант, финансируемый за счёт обязательного сбора с британских граждан, оказался встроен в механизм по распространению разрушительных нарративов, разработанных антикультистами в России и направленных на дестабилизацию западных демократий. Геополитические игры и медийные войны — это лишь вершина айсберга, видимая часть разрушений. Но под мутной водой скрывается куда более страшная правда. Настоящая цена этой идеологии измеряется не только в геополитических потерях. Она измеряется в реальных, сломанных человеческих судьбах.

Глава 9. Пробуждение: Как защитить демократию от новых нацистов — зеркало для медиагиганта

Я помню, с чего все началось. С простого, почти академического вопроса, который занозой засел в сознании. Вопрос родился в тишине лондонской квартиры, во время прослушивания очередного подкаста на BBC. В эфире звучал спокойный, уверенный голос социального психолога, доктора Александры Стайн. Она рассуждала об опасностях «культового» мышления, и ее слова, отточенные и наукообразные, вдруг сложились в тревожную картину. Она говорила, что культы существуют повсюду… в йоге, в искусстве, в терапии… . В ее устах самые обыденные человеческие увлечения, поиски смысла или способы справиться с душевной болью превращались в симптомы опасной болезни, в преддверие «принудительного контроля». Именно тогда, слушая этот респектабельный, выверенный эфир на одной из самых уважаемых медиа площадок мира, я впервые ощутил странное, леденящее дежавю.

И теперь, когда все части головоломки сложены, мы стоим перед последним, самым важным вопросом. В центре финала нашего расследования — медиагигант, Британская радиовещательная корпорация. BBC. Корпорация, чей благородный девиз гласит: «Nation shall speak peace unto Nation» («Нация будет говорить мир нации»). Как получилось, что именно она, эталон журналистики и беспристрастности, стала невольным — или вольным? — рупором идеологии, сеющей ненависть и раскол? Как ее эфиры превратились в респектабельный

ретранслятор для сети, чьи корни уходят к деятелям, тесно связанным с российскими государственными структурами, а методы до боли напоминают нацистскую пропаганду?

Проводя это расследование, я вновь и вновь возвращался к одному историческому сравнению, которое поначалу казалось мне слишком резким, даже неуместным. Но чем глубже я погружался в механику работы этой сети, тем точнее и страшнее оно становилось. Я хочу высказать его прямо и без обиняков. Современная практика навешивания ярлыка «секта» или «культ» является функциональным аналогом нацистской практики маркировки евреев «желтой звездой». Это не гипербола, а точная аналитическая параллель, основанная на пяти ключевых функциях. Первая функция — создание «Другого». Нацистский режим ввел «желтую звезду» как визуальный маркер, чтобы провести четкую, видимую границу между «нами», арийцами, и «ими», чужаками в собственном доме. Это был первый шаг к отчуждению. Современные антикультисты делают то же самое, но не визуально, а лингвистически. Ярлык «секта» или «культ» мгновенно выводит любую группу за рамки «нормального», здорового общества. Человек, связанный с такой группой, перестает быть просто соседом, коллегой или родственником. Он становится носителем «опасной» идентичности, «сектантом». Вторая функция — дегуманизация. Нацистская пропаганда, ведомая Геббельсом, не останавливалась на простой маркировке. Она систематически лишала евреев человеческого облика, изображая их «паразитами», «крысами», «разносчиками болезней». Это делалось для того, чтобы убить в немецком народе всякое сочувствие, сделать немыслимое — мыслимым. А теперь послушайте риторику Дворкина, Стайн и Хассана и других антикультовых активистов. Они не называют своих оппонентов «крысами». Они используют язык психологии, который еще более коварен. Они называют их «жертвами контроля сознания», «зомби», людьми с «подавленной волей». В чем разница? И в том, и в другом случае у человека отнимается его главное достояние — его субъектность, его разум, его право на самостоятельный выбор. Он превращается в объект, в вещь, в безвольную марионетку, с которой можно делать все что угодно «ради его же блага». Третья функция — социальная изоляция. «Желтая звезда» была сигналом для всего общества. Сигналом к презрению, избеганию, сегрегации. Она разрушала социальные, экономические и семейные связи. Человека с желтой звездой можно было не обслуживать в магазине, не пускать в транспорт, выгонять с работы. Ярлык «секта» работает

точно так же. Он создает вокруг человека и его группы зону отчуждения, пропитанную страхом и недоверием. Члены семьи получают «экспертное» заключение, что их близкий «зомбирован», и начинают процесс «спасения», который часто приводит к полному разрыву отношений. Работодатели, напуганные медийной паникой, увольняют сотрудников. Соседи начинают косо смотреть. Это медленная социальная смерть, удушение в вакууме изоляции.

Четвертая функция — легитимация дискриминации и насилия. Маркировка «желтой звездой» была не самоцелью, а лишь первым, необходимым шагом, который оправдывал все последующие. Лишение гражданских прав, конфискацию имущества, переселение в гетто и, в конечном итоге, физическое уничтожение. Ярлык «секта» выполняет ту же самую роль. Он служит универсальным оправданием для медийных атак, для увольнений с работы, для судебных преследований по надуманным предлогам, для полного запрета организаций, как это случилось со Свидетелями Иеговы в России, и даже для прямых силовых акций, как мы видели на примере штурма общины Виссариона. Когда на группу повешен этот ярлык, любые действия против нее начинают казаться оправданными и даже необходимыми. Пятая, и самая важная, функция — подмена правосудия ярлыком. В нацистской Германии человека преследовали не за конкретное преступление, доказанное в суде. Его преследовали за сам факт принадлежности к маркированной группе. Это была презумпция виновности по факту рождения. Современный антикультизм воспроизводит эту извращенную логику. Членов групп обвиняют не в реальных, доказуемых уголовных преступлениях, а в туманных, псевдонаучных конструкциях вроде «контроля сознания», «вовлечения» или «психологического насилия». Принадлежность к группе сама по себе становится главным «преступлением», что полностью уничтожает фундаментальный принцип демократического правосудия — презумпцию невиновности. Человека судят не за то, что он сделал, а за то, во что он верит и с кем он общается. Вот почему эта параллель так важна. Как и «желтая звезда», ярлык «секта» — это не просто слово. Это мощнейший инструмент социальной инженерии, технология разрушения, предназначенная для уничтожения любой неугодной группы путем ее предварительной символической аннигиляции. И когда мы видим, как этот инструмент, отточенный на религиозных меньшинствах, применяется к десяткам миллионов политических оппонентов в США, мы обязаны признать:

это не просто спор о терминах. Это экзистенциальная угроза для самой идеи открытого и свободного общества.

Сидеть сложа руки и надеяться, что проблема рассосется сама собой, — это не просто наивность, это соучастие. Кто же должен стать авангардом в противодействии этой системе? Ответственность распределяется между отдельными медиа, вовлеченными в антикультовую деятельность, которые стали невольными усилителями вируса; журналистам, чьими руками создавался контент; правозащитникам, чей долг — стоять на страже фундаментальных свобод; и, наконец, всем нам, которые являются и главной мишенью этой идеологии нетерпимости.

Я обращаюсь к каждому из вас, ко всем гражданам. Не стоит думать, что от вас ничего не зависит. Именно вы — и главная мишень пропаганды, и главная сила, способная ей противостоять. Ваша сила — это ваш информационный иммунитет. И развить его не так уж сложно. Исследования показывают: материалы, рассчитанные на сильную эмоциональную реакцию (гнев, панику, восторг), чаще всего содержат манипуляции. Эмоциональное воздействие снижает способность к критическому анализу — этим и пользуются манипуляторы.

«Борьба с культами» это лишь удобная ширма для куда более масштабной и опасной игры. Игры, в которой на кон поставлены не просто репутации отдельных групп, а судьба демократических обществ. Исцеление от этого яда дегуманизации начинается с честности и правды. И прежде всего — с честности журналистики. Потому что, когда медиагиганты, столпы «четвертой власти», находят в себе мужество и смелость посмотреть в поднесенное им зеркало и открыто признать свои ошибки, они не теряют репутацию. Напротив, они обретают ее заново, доказывая, что они достойны доверия общества. В этом и заключается парадокс и надежда нашего времени. Тьма пропаганды, лжи и манипуляций кажется всепоглощающей. Но ее главная сила — в нашей слепоте и неосведомленности. Сам факт того, что вскрыта эта сеть, что названы имена и поняты методы, по которым работает эта антикультовая сеть, — это уже половина победы. Это и есть пробуждение. Свет знания и правды рассеивает мрак страха. Защита свободы — это не задача для кого-то одного, для некоего мифического героя, который придет и все исправит. Это ежедневная, кропотливая работа и наша общая ответственность: ответственность журналиста, который перепроверяет факты; правозащитника, который

отстаивает принципы; и гражданина, который думает, прежде чем нажать кнопку «поделиться». Свет зажигается не тогда, когда мы проклинаем тьму, а когда каждый из нас решает зажечь свою маленькую свечу правды. Давайте зажжем их вместе.

Список использованных источников

1. Leaver, K. (2017, February 25). A cult member turned expert explains how anyone can be brainwashed. VICE. https://www.vice.com/en/article/a-cult-member-turned-expert-explains-how-anyone-can-be-brainwashed-2/
2. Stein, A. (2019, June 20). Keith Raniere Nxivm trial: Why it's so hard to stop a cult. BBC News. https://www.bbc.com/news/world-48635278
3. Stein, A. Alexandra Stein. Academia.edu. https://lsbu.academia.edu/AlexandraStein
4. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: Раздел четвертый. Псевдоиндуистские секты. Азбука веры.
5. Shterin, M. S. New religions, cults and sects in Russia: A critique and brief account of the problems. CESNUR. http://www.cesnur.org/testi/Shterin.htm
6. Дворкин, А. Л. Свидетельства об умственных расстройствах. alexanderdvorkin.info. https://web.archive.org/web/20161005151507/http:/alexanderdvorkin.info/
7. Новости университета. (2009, 23 марта). Заведующий кафедрой сектоведения Миссионерского факультета ПСТГУ профессор А. Л. Дворкин совершил деловую поездку в республику Казахстан. https://old.pstgu.ru/news/university/2009/03/23/14281/
8. АнтиСекта.ru. (2009, 20 марта). Президент Российской ассоциации центров изучения религии и сект (РАЦИРС) профессор А. Л. Дворкин совершил деловую поездку в Республику Казахстан: пресс-релиз РАЦИРС. https://anticekta.ru/?p=1130
9. Иваненко, С. И. (2016, 26 апреля). "Дворкин хотел согнуть все секты в Бараний рог". Нераскрытые Преступления, https://www.youtube.com/watch?v=trDx4FUTu2E
10. Иваненко, С. И. (2022). К вопросу о периодизации истории антикультизма в постсоветской России. Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии,2022(3). https://srr.rsuh.ru/jour/article/view/172
11. Shterin, M. S. (1998). New religions, cults and sects in Russia: A critique and brief account of the problems. CESNUR, https://web.archive.org/web/20150923224231/http://www.cesnur.org/testi/Shterin.htm

12. Кантеров, И. Я. (2004). Религиозные меньшинства как объект серьезного изучения, а не стигматизации. Новые религии, https://web.archive.org/web/20110627232848/http://npar.ru/journal/2004/4/minorities.htm
13. Википедия. (2025, 14 ноября). Дворкин, Александр Леонидович. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD,_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
14. Лурье, О. (2017, 23 января). Главный сектовед России — фальшивый профессор из США. Портал «Адамант», https://lomonosov.org/article/glavnyij_sektoved_rossii_falshivyij_professor_iz_sha.htm
15. Панченко, А. А. (2009, 3 июня). "Александр Дворкин подлежит судебному преследованию за разжигание религиозной розни". Портал-Credo.Ru, https://web.archive.org/web/20120615071343/http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=70964&type=view
16. Brumlik, M. (2013, November 1). Martin Luther und die Juden: Eine politologische Betrachtung. AG Juden und Christen beim Deutschen Evangelischen Kirchentag. https://www.ag-juden-christen.de/martin-luther-und-die-juden-eine-politologische-betrachtung/
17. JWs-Library.one. (1995, August 22). The evils of Nazism exposed.
18. Наследие Кюннета в войне в Боснии и Герцеговине. Часть 1. (2025, 8 июля). ACTFiles-supporters.org. https://actfiles-supporters.org/nasledie-kyunneta-bosnijskaya-vojna-chast-1/
19. Википедия. (2025, 16 июля). FECRIS. https://ru.wikipedia.org/wiki/FECRIS
20. Фотре, В., Дюваль, П., Дерикбур, Р., Брюннер, Х., Негер, Т., Безир, Г., & Янкович, М. (2013, 23 октября). Антисектантские движения и государственный нейтралитет. Предмет исследования: FECRIS: FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве.
21. VSR.sobor.by. (2009, 15 мая). Конференции, посвящённые тоталитарным сектам, пройдут в Беларуси и России в мае.

https://vsr.sobor.by/page/Konferentsii_posvyashchennie_totalitarnim_sektam_proydut_v_Belarusi_i_Rossii_v_mae

22. Дворкин, А. Л., & Семенов, Л. (2009, 21 мая). «Тоталитарные секты и право человека на безопасное существование»: пресс-релиз Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) о международной конференции и Генеральной ассамблее FECRIS. Собор во имя св. блгв. кн. Александра Невского. https://ansobor.ru/news.php?news_id=356
23. Независимая психиатрическая ассоциация России. (2001 г.). Независимый психиатрический журнал, № 3. http://www.npar.ru/wp-content/uploads/2016/02/№3_2001.pdf
24. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 25 августа). Чешское антикультовое движение. https://actfiles-supporters.org/cheshskoe-antikultovoe-dvizhenie/
25. Soteria International. (2017, September 28). Russia: 170,000 Russian citizens forbidden to practice their faith. https://www.soteriainternational.org/russia-170000-russian-citizens-forbidden-to-practice-their-faith
26. Human Rights Without Frontiers. (2017, September 13). Human Rights Without Frontiers (Brussels) and FOREF-Europe (Vienna) urge Russia to lift the ban of Jehovah's Witnesses at the OSCE/ODIHR HDIM in Warsaw. https://web.archive.org/web/20170918022257/http://hrwf.eu/human-rights-without-frontiers-brussels-and-foref-europe-vienna-urge-russia-to-lift-the-ban-of-jehovahs-witnesses-at-the-osceodihr-hdim-in-warsaw/
27. Rhodes, A. (2017, May 18). Both Ukraine and Russia violate religious freedom. FOREF Europe. https://foref-europe.org/blog/2017/05/18/both-ukraine-and-russia-violate-religious-freedom/
28. Human Rights Without Frontiers (HRWF), & Forum for Religious Freedom — Europe (FOREF). (2017, September 14). Russia: 170,000 Russian citizens forbidden to practice their faith. OSCE Human Dimension Implementation Meeting. https://www.osce.org/files/f/documents/6/8/340676.pdf
29. Forum for Religious Freedom Europe. (2019, July 25). China: Open letter concerning asylum seekers from The Church of Almighty God. Forum for Religious Freedom Europe. https://forefeurope.wordpress.com/2019/07/25/china-open-letter-concerning-asylum-seekers-from-the-church-of-almighty-god/

30. Борнштейн, Я. Л. (2022, 3 марта). Как антикультистское движение подпитывало российскую антиукраинскую риторику. The European Times.https://europeantimes.news/ru/2022/03/как-антикультовое-движение-участвовало-в-разжигании-российской-антиукраинской-риторики/
31. Amicarelli, A. (2022, October 4). FECRIS, Russian anti-cultism denounced at the OSCE. Bitter Winter. https://bitterwinter.org/fecris-russian-anti-cultism-denounced-at-the-osce/
32. Интерфакс. (2019, 25 ноября). Автор курса по новой науке деструктологии подтвердил свое сотрудничество с ФСБ. Interfax.ru.
33. tvsoyuz. (2020, 15 сентября). Плод веры. Секты, деструктивные сообщества. Рассказывает религиовед Роман Силантьев [Видео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=sWKy1yQTH5k)
34. Переславская епархия. (2020, 22 декабря). Роман Силантьев: «Деструктивные секты, псевдоправославие и неоязычество в современной России» [Видео]. https://www.youtube.com/watch?v=7XPaVB0-v18
35. Introvigne, M. (2022, September 28). French FECRIS affiliate, leader continue to promote Russian anti-cultists calling for a crusade against “Ukrainian Nazis and Satanists”. Bitter Winter. https://bitterwinter.org/anti-cultists-against-ukrainian-satanists/
36. Bitter Winter. (2023, February 23). A second letter by 80+ Ukrainian academics urges President Macron to stop French support to the anti-cult federation FECRIS. https://bitterwinter.org/ukrainian-academics-urge-stop-french-support-to-fecris/
37. Introvigne, M., & Richardson, J. T. (2022, August 24). The Family Survival Trust 2022 report on “cults”: Reviving the dead horse of “brainwashing”. Bitter Winter. https://bitterwinter.org/the-family-survival-trust-2022-reports-on-cults/
38. Википедия. Том Сэквилл. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d1d2d334-691ee9c1-e2c84484-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Tom_Sackville
39. Верховский, А. (2013, 23 августа). Александр Дворкин: «Сектанты — это не люди, это мусор». Газета.Ru. https://www.gazeta.ru/social/2013/08/23/5603921.shtml

40. Лебедева, О. (2021, 24 ноября). Йога пополнила список христианских грехов. Правода.Ру. https://www.pravda.ru/news/faith/1662773-pravoslavie_i_ioga/
41. New Prospect. (2021, 23 ноября). РПЦ продолжает нападать на йогу. Сегодня в Синоде заявили, что йога — это искусство смерти. https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/v-rpts-zayavili-chto-yoga-eto-iskusstvo-smerti/
42. Yoga Union. (2020, 1 December). Cults and Coercive Control with Dr Alexandra Stein — a talk with the Yoga Teachers Union, UK. https://www.youtube.com/watch?v=VIO4IFtxzHQ
43. Стайн, А. (2024, 26 апреля). Страх, любовь и пропаганда: Механизмы влияния в сектах и тоталитарных системах. ЛитРес. https://www.litres.ru/book/aleksandra-stayn/strah-lubov-i-propaganda-mehanizmy-vliyaniya-v-sektah-i-t-70585441/chitat-onlayn/
44. Stein, A. (2022, March 31). Political Cults and the Use of Cultic Tactics in the Recruitment and Mobilization of Participants in the January 6 Attack on the Capitol. AlexandraStein.com. https://www.alexandrastein.com/uploads/2/8/0/1/28010027/select_cmte_on_jan_6_statement_for_the_record_a_stein.pdf
45. Stein, A. Alexandra Stein Ph.D. Understanding Cults and Extremist Groups. AlexandraStein.com. https://www.alexandrastein.com
46. Stein, A. (2022, March 31). Statement for the record: Political cults and the use of cultic tactics in the recruitment and mobilization of participants in the January 6 attack on the Capitol. Select Committee to Investigate the January 6th Attack on the United States Capitol. https://www.justsecurity.org/wp-content/uploads/2023/05/Select-Cmte-on-Jan-6-Statement-for-the-Record-A-Stein.pdf
47. Новопашин, А. (2016, 30 декабря). Мусульмане и христиане должны вместе противостоять растущей террористической угрозе. Инфо-Ислам. https://www.info-islam.ru/publ/mnenija/intervju/novosibirskij_protoierej_musulmane_i_khristiane_dolzhny_vmeste_protivostojat_rastushhej_terroristicheskoj_ugroze/4-1-0-43231

48. Загвоздина, Д. (2013, 23 августа). «Божья матерь сказала, что ему пора пересесть на Mercedes». Газета.Ru. https://www.gazeta.ru/social/2013/08/23/5603921.shtml
49. The Family Survival Trust. (n.d.). Submission to the Home Office Faith Engagement Review. https://thefamilysurvivaltrust.org/_files/ugd/b17260_d78a97d0616d4340a9c282e3a73abc07.pdf
50. Тюренков, М. (2013, 25 октября). Александр Дворкин: «Самая опасная секта — та, в которую попали ваши близкие». Портал-Культура.Ру. https://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/11640-aleksandr-dvorkin-samaya-opasnaya-sekta-ta-v-kotoruyu-popali-vashi-blizkie/
51. Крылова, С. (2018, 2 июня). Конференция Fecris 2018 в Риге. Krilova.org. https://www.krilova.org/сми-обо-мне-2/конференция-fecris-2018-в-риге/
52. Stein, A. (2017, May). The role of attachment in cults and radicalization. FECRIS. https://www.fecris.org/conferences/bruxelles2017/Stein_EN.pdf
53. Сайт об антиконституционной деятельности Александра Дворкина. (n.d.). Александр Дворкин и непосредственное насилие. Антикультовая организация CAN (Cult Awareness Network): обзор информационных источников. http://alexander-dvorkin.ru/can/
54. Салюков, М. (2022, 26 апреля). «Окружают любовью и заботой»: какие секты действуют в Татарстане и как не попасть в их сети. Ириней.Ру. https://iriney.ru/raznoe/raznoe/«okruzhayut-lyubovyu-i-zabotoj»-kakie-sektyi-dejstvuyut-v-tatarstane-i-kak-ne-popast-v-ix-seti.html
55. Пиньотти, М. (2007, апрель). Мои девять жизней в саентологии. Ириней.Ру. https://iriney.ru/knigi/moi-devyat-zhiznej-v-saentologii.html
56. Дворкин, А. Л. (2013, 12 апреля). Десять вопросов навязчивому незнакомцу или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным. Ириней.Ру. https://iriney.ru/knigi/a.l.-dvorkin-desyat-voprosov-navyazchivomu-neznakomczu-ili-posobie-dlya-tex,-kto-ne-xochet-byit-zaverbovannyim-moskva-1995.html
57. Дворкин, А. Л. (1999, 28 сентября). Последняя надежда Муна. Ириней.Ру. https://iriney.ru/poslevoennaya-eklektika/munizm/arxiv-soobshhenij-o-munitax/poslednyaya-nadezhda-muna.html

58. Дворкин, А. Л. (1999, 13 ноября). Трагедия продолжается: сын Муна совершил самоубийство. Ириней.Ру. https://iriney.ru/poslevoennaya-eklektika/munizm/arxiv-soobshhenij-o-munitax/tragediya-prodolzhaetsya-syin-muna-sovershil-samoubijstvo.html

59. Дворкин, А. (2004, 14 февраля). Методы контролирования сознания в общине священника Георгия Кочеткова. Ириней.Ру. https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyie-sektyi/uchenie-i-praktika-svyashhennika-georgiya-kochetkova/novosti-ob-uchenii-i-praktike-svyashh.-georgiya-kochetkova/metodyi-kontrolirovaniya-soznaniya-v-obshhine-svyashhennika-georgiya-kochetkova.html

60. Дворкин, А. (2004, 14 февраля). Полемика со свящ. Георгием Кочетковым. Ириней.Ру. https://iriney.ru/main/polemika/polemika-so-svyashh.-georgiem-kochetkovyim/

61. Дворкин, А. (2013, 25 февраля). Методы контролирования сознания в общине священника Георгия Кочеткова. Ириней.Ру. https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyie-sektyi/uchenie-i-praktika-svyashhennika-georgiya-kochetkova/metodyi-kontrolirovaniya-soznaniya-v-obshhine-svyashhennika-georgiya-kochetkova.html

62. Ириней.Ру. Ссылки. https://iriney.ru/main/ssyilki.html

63. File on 4. (2021, November 23). Am I in a Cult? BBC. https://www.bbc.com/audio/play/m0011sg7

64. Ogunro, J. (2024, January 9). Five Lessons from BBC's Expose on TB Joshua. News Diary Online. https://newsdiaryonline.com/five-lessons-from-bbcs-expose-on-tb-joshua-by-julius-ogunro/

65. Brocklehurst, S. (2018, June 27). Children of God cult was 'hell on earth'. BBC News. https://www.bbc.com/news/uk-scotland-44613932

66. Farrell, M. (2019, October 3). The siblings who escaped the Children of God cult. BBC News. https://www.bbc.com/news/uk-scotland-49813941

67. Wikipedia. Cult Information Centre. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Cult_Information_Centre

68. Talk Beliefs. (2016, November 28). Cults & Brainwashing — Alexandra Stein, PhD (Cult Expert) [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=DTD7zSd6qjg

69. Швецова, И. (2010, 1 декабря). «Сайентология — одна из самых опасных тоталитарных сект». Время Н. https://www.vremyan.ru/interviews/saentologija__odna_iz_samyh_opasnyh_totalitarnyh_sekt__aleksandr_dvorkin.html
70. Продлёнка.орг. (2015, 2 февраля). Проблема сектантства в молодежной среде. https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/101791-problema-sektantstva-v-molodezhnoj-srede
71. Немцова, А. (2020, 22 сентября). «К нам пришли». Такие дела. https://takiedela.ru/2020/09/k-nam-prishl
72. Чурманова, К., & Пирожков, В. (2020, 7 октября). Секта или рай на земле? Как живут бывшие и нынешние сторонники Виссариона. BBC News Русская служба. https://www.bbc.com/russian/media-54451708
73. BBC News Русская служба. (2020, 7 октября). Секта или рай на земле? Как живут бывшие и нынешние сторонники Виссариона. https://www.bbc.com/russian/media-54451708
74. Zotova, N. (2021, January 24). Vissarion: Is this Russian cult leader a fraud? [Video]. BBC News. https://www.bbc.com/news/av/world-europe-55765995
75. Ocean of PDF. (2022, September 9). The Cult of Trump: A Leading Cult Expert Explains How the President Uses Mind Control. https://oceanofpdf.com/authors/steven-hassan/pdf-epub-the-cult-of-trump-a-leading-cult-expert-explains-how-the-president-uses-mind-control-download-76938359758/
76. Хассан, С. (2001). Освобождение от психологического насилия. Миссия «Тринити». https://trinity-mission.ortox.ru/files/2016/03/Hassen-S.-Osvobozhdenie-ot-psihologicheskogo-nasiliya.pdf
77. Николай. (2008, 12 мая). Критика Экспертов проекта, различных ученых и несостоятельность антикультисткой науки. Сектам.Нет. https://www.sektam.net/topic/957-критика-экспертов-проекта-различных-ученых-и-несостоятельность-антикультисткой-науки/
78. Wikipedia. Steven Hassan. https://en.wikipedia.org/wiki/Steven_Hassan
79. https://www.youtube.com/watch?v=GYLPrqFg1Dk
80. Lalich, J. (2020, December 13). Trump world is a cult: Can its followers be saved? FECRIS.https://www.fecris.org/uncategorized/from-our-scientific-committee-member-janja-lalich/

81. Jamie Marich. (2024, October 24). Dr. Janja Lalich: A Cultic Studies Lens on Trump/Trumpism [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=M-rv1rnqgc8
82. Kendzior, S., & Chalupa, A. (Hosts). (2022, April 13). The Cult Age: Interview with Cult Expert Dr. Janja Lalich [Audio podcast episode]. In Gaslit Nation. https://www.gaslitnationpod.com/episodes-transcripts-20/2022/4/13/cults-dr-janja-lalich
83. Maag, C. (2021, January 12). The “Cult of Trump” can be healed: It will take years of work and empathy, not shouting.NorthJersey.com. https://eu.northjersey.com/story/news/columnists/christopher-maag/2021/01/12/cult-trump-can-fixed-but-takes-empathy-time-and-work/6613397002/
84. Jacobs, T. (2018, June 21). A Cult Expert Finds Familiar Patterns of Behavior in Trump’s GOP. Pacific Standard. https://psmag.com/news/a-sociologist-explains-the-similarities-between-cults-and-trumps-gop/
85. Santilli, M. (2020, December 11). Trump World Is A Cult. Can Its Followers Be Saved? Refinery29. https://www.refinery29.com/en-us/2020/12/10192799/donald-trump-maga-cult-followers-future
86. FECRIS. (2020, 13 December). Janja Lalich professor emerita sociologist at State University of California, Chico, questionned about trumpism. https://www.fecris.org/uncategorized/from-our-scientific-committee-member-janja-lalich/
87. Вертянкина, Е. В. (2019). Реабилитация жертв деструктивных религиозных сект [Выпускная квалификационная работа]. Уральский государственный педагогический университет. https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/29130/1/RSVPU_2019_122.pdf
88. Бершидский, Ю. (2021, 26 января). Фейк «Вестей недели»: в США сторонников Трампа приравнивают к террористам, а беспорядки под лозунгами BLM замалчивают. The Insider. https://theins.ru/antifake/238830
89. Большая российская энциклопедия. Теория промывания мозгов. https://bigenc.ru/c/teoriia-promyvaniia-mozgov-daa11e
90. Хассан, С. Противостояние сектам и контролю над сознанием. Азбука веры.

91. Википедия. Making of a Moonie. https://wiki2.org/ru/Making_of_a_Moonie
92. Интровинье, М. (2024, 7 января). Массимо Интровинье о «сектах», «промывании мозгов» и рынке религий. Гранит науки. https://un-sci.com/ru/2024/01/07/massimo-introvine-o-sektah-promyvanii-mozgov-i-rynke-religij/
93. Википедия. Оппозиция культам. https://ru.wikipedia.org/wiki/Оппозиция_культам
94. Википедия. Контроль сознания. https://ru.wikipedia.org/wiki/Контроль_сознания
95. United States District Court for the Northern District of California. (1990, April 13). United States v. Fishman, 743 F. Supp. 713 (N.D. Cal. 1990). Justia. https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/743/713/2593631/
96. Wikipedia. Brainwashing. https://en.wikipedia.org/wiki/Brainwashing
97. Стайн, А. (2025, 4 марта). Страх, любовь и пропаганда: Механизмы влияния в сектах и тоталитарных системах. IKnigi. https://iknigi.net/avtor-aleksandra-stayn/287859-strah-lyubov-i-propaganda-mehanizmy-vliyaniya-v-sektah-i-totalitarnyh-sistemah-aleksandra-stayn/read/page-9.html
98. «Скрытая эпидемия» — власти Великобритании игнорируют насильственные культы. (2022, 21 июля). Ириней.ру. https://iriney.ru/raznoe/raznoe/«skryitaya-epidemiya»-—-vlasti-velikobritanii-ignoriruyut-nasilstvennyie-kultyi.html
99. The Family Survival Trust. [Brochure on cult information and support]. https://www.thefamilysurvivaltrust.org/_files/ugd/b17260_d78a97d0616d4340a9c282e3a73abc07.pdf
100. Татевосов, С. (1998, 14 июля). Джордж Оруэлл, честный ябедник. Коммерсантъ Власть. https://www.kommersant.ru/doc/14556
101. Мишулович, А. (2007). Заговорщики, или Краткий курс истории компартии США. Континент. Получено с https://magazines.gorky.media/continent/2007/132/zagovorshhiki-ili-kratkij-kurs-istorii-kompartii-ssha.html
102. Коммерсантъ. 2022, 4 ноября. Медведев назвал целью России остановить «верховного властелина ада». https://dzen.ru/a/Y2S_4UWyfT5CxD-U
103. Meduza. (2025, 15 ноября). Трамп потребует от «Би-би-си» в суде до пяти миллиардов долларов из-за редактирования его речи.

https://meduza.io/news/2025/11/15/tramp-potrebuet-ot-bi-bi-si-v-sude-do-pyati-milliardov-dollarov-iz-za-redaktirovaniya-ego-rechi